

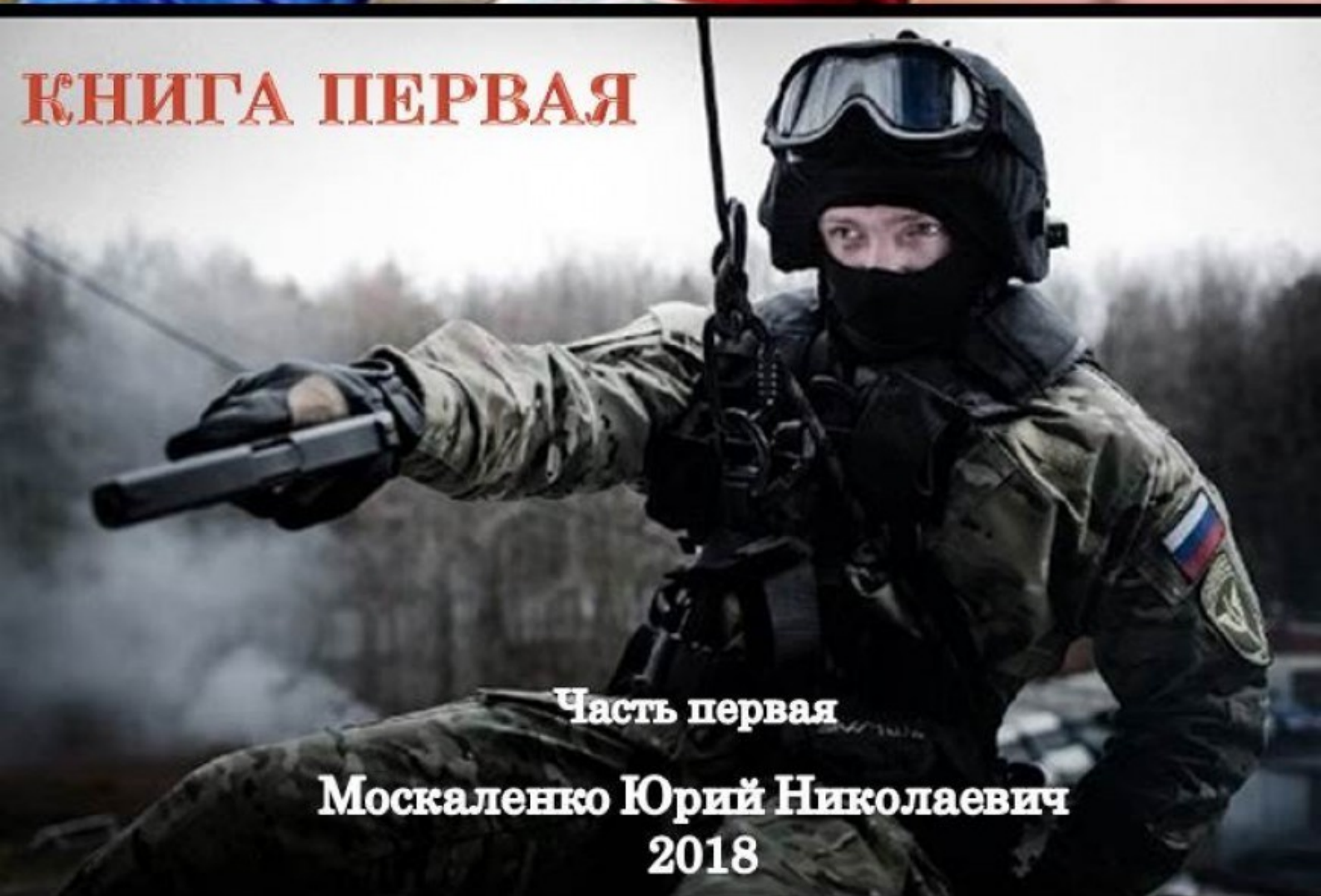
Серия попадос : Спартакoвская футболка или игра в офсайте

фантастика



НЕЧЕСТНЫЙ ШТРАФНОЙ

КНИГА ПЕРВАЯ



Часть первая

Москаленко Юрий Николаевич
2018

Спартакoвская футболка, или Игра в офсайде

Юрий Москаленко

**Нечестный штрафной.
Книга первая. Часть первая**

«Автор»

2018

Москаленко Ю.

Нечестный штрафной. Книга первая. Часть первая /
Ю. Москаленко — «Автор», 2018 — (Спартакoвская футболка,
или Игра в офсайде)

Отстёгнутая чека. Твоё тело на ящике, забитом эфками. Верный АК,
отброшенный точным попаданием снайпера... Развалины Пальмиры...
Сильная боль в перебитых ногах... и ухмылки бандерлогов в чёрном...
бородатые бандерлоги что-то там щебечут не по-нашему... Сползающие
ухмылочки с лиц ублюдков Игил... Щелчок взрывателя гранаты и
последние мысли о любимой... Забытая богиня здоровья и счастья... и
это высвобождение энергии на месте храма ей посвящённого... столько
крови и душа того, кто столько жертв принес в честь неё. Врачевателя, да и
просто красивейшей женщины. Дорога Комсомольск – Хабаровск... занос на
повороте авто от японского производителя... скорость слегка подкачала, как
и лопнувшее колесо... новая жизнь, и как ей теперь распорядиться на фоне
опыта прошлого? (пора... пора что-то менять в нашем футболе... так почему
бы не так???)

© Москаленко Ю., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Вместо пролога	5
Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Юрий Москаленко

Нечестный штрафной

Вместо пролога

– По предварительной информации, причиной столкновения могли стать погодные условия. На момент ДТП шел мокрый снег с дождём, и на дороге образовались большие лужи, прикрывавшие выбоины на дорожном покрытии и ямы и, возможно, наледь. Количество пострадавших пока не установлено, но достоверно известно, что скончались два человека – мужчина и женщина, подросток тринадцати лет находится в тяжёлом состоянии... – сообщили в пресс-службе отдела пропаганды краевой ГИБДД.

Заметка в «Губернских ведомостей...» 17 апреля 2016 года...

«15 апреля 2017 года, находясь на боевых позициях, в ходе ожесточенного боя, полковник спецназа Андрей Сидорчук в составе группы Сил Специальных Операций, получив ранение и не желая сдерживать в движении группу, приказал подчинённым отступать, вынося из-под огня раненых товарищей, а сам остался прикрывать их отход от наседавших террористов. Но силы были не равны. Андрей ещё раз был ранен, но в плен сдаваться не стал... граната Ф-1 привела к детонации целого арсенала состоящего из ящика этого вида боеприпасов. Окружившие его террористы уничтожены взрывом. Герой погиб...» – сообщило издание.

Красная звезда № 63 от 17 апреля 2017 года...

Глава первая

– Он пришёл в себя, Геннадий Яковлевич. Даже, вон, пытается головой крутить... – раздался голос в голове.

Какие женщины, к чертям собачьим, у меня там Семён Журак кровью истека...

Чё-ё-ё-рт! Да я же прикрывать оставался!

Думал ведь, всего пятеро урюков по нашим следам шло. А тут целый ящик с ф-1 под боком. И позиция, что надо. Группа точно вырвалась, Лось по рации доложил и сказал, что вертушки на подходе. Но и оставаться всей гурьбой тоже смысла не было. Не укрыться, если бы из подствольников хмыри бы пальнули. Всех бы накрыло, а так, для меня одного ямка нашлась по росту, да и в ногу по касательной получил, до этого только пацанов своих сдерживал, а ребят выносить надо. Двое тяжёлых и четыре руки всего, и я не помощник, куда уж мне. Второй десяток километров гнали, гады. И погода, как назло, пыльная буря. Ни вертушек, ни артиллерией прицельно жахнуть – сложно ориентиры найти, чтобы понять, а куда нас, собственно, занесло. Вот только проясниться начало. А то одна жёлтая муть вокруг и видимость всего в пару десятков метров.

Вот же, влезли!

А началась служба у меня и того чище. Срочка, Лагодехи, спецназ ГРУ, Грузия. Закавказский военный округ, девяносто третий год. А потом по всему Кавказу поносило. Две чеченских, хорошо хоть Афган не застал. В девяносто пятом прямо со службы дёрнулся в военное училище. И, к своему большому удивлению, всё-таки поступил. Выпустился в начале двухтысячных из Благовещенского парнокопытного-десантного... общевойскового и тут же на вторую чеченскую попал. К тому времени мне уже двадцать четыре года было. Ни жены, ни дет...

Была жена... в две тысяча третьем расписались.... А через год уже расстались... сложна жизнь жены офицера, особенно в те дикие годы.

Есть и сын, но, вроде как, и не видел я его никогда. Бывшая, за каким-то барбосом из Хабары уже десяток лет как замужем. Хотя, нормальный мужик... и сына растил, как своего. Чего уж там, роды ведь принимал сам – тогда ещё врачом работал. В клинической больнице Хабаровска, куда и уехала рожать краса моя ненаглядная. Да вот понравился ей молодой специалист от медицины. И забыла она старлея...

Жили они, то в Хабаровске, то в Комсомольске... по одноклассникам нашёл. И фотку сына даже видел. Здоровенный бугай, почти весь в меня, только слишком уж брюшко наел. Мордатый и глаза мои зелёные. Спортом, как понял, не занимается, только и сидит в игрушках. Откуда знаю? Так жена и делилась на просторах нета со всеми о своей жизни и детей затрагивала. Дочка у них ещё общая...

Одно меня с моим разлучником останавливало – он, как и я, детдомовский, только он в Комсомольске суровые будни проходил, а я Белогорск вдоль и поперёк пробороzdил по малолетству. Как только на малолетку не попал – не пойму, повезло, наверное, да и участковый у нас нормальный был. Афганец... уважали его, даже блатные с ним вась-вась были. Боялись. Отмороженный он напрочь был и пить ему нельзя было, совсем нельзя... мог и зашибить.

Но меня он жалел, как и многих из моего потока.

Зато я спорт любил, хотя в школе учиться начал только в девятом. По нормальному учиться. Участковый уболтал попробовать в общевойсковой в Благе поступить. Стезя офицера мне по фильмам нравилась, но мечта исполнилась только уже после срочной службы. Да и подкидыш я, только записка у меня была, когда нашли моё тельце зимой. Чтобы приютили. А так, ни отца, ни матери. Полный сирота. А фамилию мне свою приписала наша няня, да и не против я тогда был, оттого, что и разговаривать ещё не умел.

Но хватит воспоминаний. Там ребята! Да какие ребята, я же чеку вырвал?!

– Он стонать начал.

Опять этот голос. Явно, пожилая женщина рядом.

Я не понял?!

Я что, выжил после одновременного взрыва кучи эфок?! А если попробовать глаза открыть, ведь, раз думать могу, значит, в сознании уже!

А может, это ангелы?

Попытка продрать глаза оказалась успешной.

Точно больница... приглушённый свет. Белый потолок и какое-то жужжание приборов.

Явно реанимация.

Вот только, чего я себя так чувствую-то неуютно?! И такое ощущение, что тело не моё.

Я, от бессилия, даже головой повернуть не могу.

Попытка шевельнуть головой вызвала сильный приступ тупой боли в затылке.

«Дыши спокойнее» – раздалось в голове.

Не понял?!

Уши явно только звук аппаратуры улавливают и, вроде как, шаги чьи-то, но явно не голос, притом опять женский, хотя на этот раз приятный, бархатистый и какой-то обволакивающий.

Шиза... словил шизу...

Лучше бы сдох. О, господи, прости меня грешного.

– Андрюша, ты меня слышишь?

Андрюша! Да меня никогда так не называл никто в жизни. Даже женщины, а их в моей жизни было более чем достаточно, обычно обходились уменьшительно ласкательным «дюша», но чтобы так...

А приятно!

– Кто это у нас там? – опять этот пожилой голос.

Вновь разлепляю глаза. Фокус...

Есть! Точно, медсестра в возрасте. Угадал. И глаза такие добрые, я даже попытался улыбнуться, правда, почему-то мышцы лица почти не слушались, получился какой-то оскал, вон, как удивлённо глаза женщины расширились.

– Знаю, что больно, – произнесла она, – но у тебя всё тело в синяках, и даже есть пара очень серьёзных переломов.

Это что, у меня, что ли, переломы?!

Вообще ничего не понимаю.

– Ты меня слышишь? Если да, то моргни... – раздаётся рядом. Даже глазами крутануть трудно, но явно медсестра со мной разговаривает, во всяком случае, её голос я ушами ловлю.

А вот хренушки, глаза то закрыл, а вот открыть их уже не могу!

– Заснул... – раздался голос той же женщины.

– Марина Николаевна, как там наш маленький пациент? – уже мужской голос появился.

И шаги я его, ещё когда он шёл по коридору, услышал. Это, видно, и есть доктор, как там его, ага... вроде Геннадий Яковлевич.

– Заснул, наверное, во всяком случае, глаза больше не открывал, Геннадий Яковлевич.

Угадал...

– Ну и пусть спит. Чудо, что вообще пришёл в себя, хотя пока так и непонятно, как у него с головой. Всё-таки, кроме переломов обеих конечностей, он головой неслабо ударился.

– Да, не повезло мальчику! Враз всех лишиться. Месяц у нас отлёживается и только-только из комы выходить начал.

Э... чё за дела?! Какие переломы?!

А между тем, медперсонал продолжал обсуждать одного из своих постоянных пациентов, каким по счастью, или несчастью, оказался я.

– Всего месяц... – продолжил мужской голос, принадлежащий этому, неизвестному мне, доктору... – а сколько рядом с ним шумихи связано! Отчим то его – бизнесмен, по дальневосточным меркам весьма богатый. И заводик имел в Комсомольске и базы в Хабаровске, в том числе, две квартиры, а у жены аптеки две штуки. Причём, в центре городов, что в Комсомольске, что у нас, в дальневосточной столице. Богато жили...

– Ага! – хмыкнула медсестра... – то-то теперь столько нахлебников набежало, и оказалось, что парнишка и вовсе круглый сирота, и ничего у него нет. Тут, говорят, его из квартир выписали под шумок, но боятся, что прокуратура прознает, и по-быстрому решили продать их. То-то так и ждут, когда мы сообщим, что мальчик умер, или, в худшем для них случае, не в себе!

– Родственники по линии дочки их совместной подсуетились неслабо, да чего говорить, говорят, у них в роду прокурорских море. Самое удивительное, что мальчонок то тоже от матери и родственники есть, но он нелюбимый внук. Отца его ненавидели родственники матери, а потом и на пацана эта ненависть перекинулась. Мальцу, если даже выживет и будет нормально соображать, один путь – в детский дом. И без вариантов. – Вздохнул мужчина... – вроде как, что-то там нахимичили, но зацепили их. При продаже квартиры хабаровской. Там так получилось, что мальчик прописан был, а вот девочка больше в Комсомольске с бабушкой по линии отчима жила. Завернули, говорят, сделку. Ну-ка, Марина, подай мне сюда его карту. Посмотрю, кто ему что навывисывал. А то окажется, что травят, а потом меня, как его лечащего врача и обвинят во всех грехах. Упаси, господи!

– Да что вы такое говорите, Геннадий Яковлевич, как можно?! – возмутилась женщина.

– В медицине всё возможно, особенно в наше сумасшедшее время! Кстати, о времени. Какое сегодня число, дорогая Марина Николаевна? – печально произнёс врач.

– Так с утра пятнадцатое вроде и май на дворе, а если вы ещё и год забыли, то шестнадцатый. По телевизору опять все новости то про Украину, то про Сирию. Задолбали уже. Словно не о чем больше рассказывать... – возмутилась медицинская сестра.

– Тогда так и запишем. Пятнадцатое мая две тысячи шестнадцатого года. Внеочередной осмотр. Итак, Сидарчук Андрей Андреевич. Ух ты, как в своё время Громько звали. Тоже Андрей Андреевич. Кто отец то его настоящий, если погибший только отчим?

Я и дышать перестал, боясь пропустить хоть слово из того, что говорилось в этой комнате, вернее, палате интенсивной терапии. Что-то из того, что я слышал, совершенно не укладывалось в моей голове. Если их всех послушать, то получается, я как-то попал в тело своего сына?! Причём, так попал, заранее, а сам-то я ещё живой, ещё год мне старому жить, а тут...

– Так, вроде, военный какой-то. За месяц, что искали, нашли, говорят. Но сейчас он в Сирии. Воюет. Причём, реально воюет. По секрету шумнули, что типа, то ли спецназ, то ли ГРУ. Сказали, не беспокоить, пришёл ответ. Вернётся, сообщат.

Вот же, суки-и-и!

Получается, я ещё тогда сына лишился?! То-то, я думаю, меня мурьжили с предоставлением отпуска. Всё «заменить нечем», «заменить нечем» твердили. Вначале Донбасс, в Ростове три месяца просидели в полях, пробухали. А вот теперь в Сирию кинули и говорили уроды, что всего на четыре месяца всего-то засылают, да вон, как вышло – навсегда...

Но что-то меня мутит от этой фантастики.

Может, я просто бред словил?

Шиза посетила? Об этом я уже думал.

Вот! Правильно. Думал!

Я ощущаю себя, пускай и не как всегда, но ощущаю. Правда, каждое маломальское движение вызывает приступы боли.

«Не волнуйся. Дыши ровнее. А лучше, спи»

Опять этот голос в голове...

Да что же со мной такое случилось-то?!
Но додумать я не успел, меня куда-то вновь понесло.

* * *

Опять свет...
Я попытался мотнуть головой из стороны в сторону.
Спросонья получилось. А вот если специально пробую пошевелиться, получается с трудом.

Открыть глаза? А вдруг, опять этот кошмар с сыном в главной роли и мной меня посетит?!

Но ведь думаю, значит, в сознании. И вон, даже рукой шевельнул и пальцы чувствуются, правда силы в них нет, хотя я раньше на пальцах держал свой вес и спокойно с десятков раз отжимался, влѣгкую, от пола. А тут, словно сосиски, безвольно лежат и еле дѣргаются.

Но пора, пора выходить из постоянной nirваны. Даже если это и мой бред, то хотя бы повеселюсь, но так постоянно пропадать сознанием надоело. Я вообще-то человек действия, только, бываю ленив иногда. Всё, действуем, а боль потерпим, и не такое за свою службу приходилось терпеть!

«Не спеши. Вначале наполни свои легкие воздухом и пару раз удержи дыхание, чтобы сердце на пределе поработало. Я блокирую действие некоторых лекарств. Судя по всему, тебя просто специально травят...»

А это уже не смешно!

«Ты кто?» – мысленно обратился я к своему внутреннему голосу.

«Отголосок далёкого прошлого и, увы, я с тобой недолго. Скоро окончательно развоплещусь. Ты жертву принёс на месте храма, посвящённого мне, в священной земле. Столько энергии... столько ценнейшей жидкости жизни. Я уже завершила когда-то незаконченные дела, а хуже незаконченных дел в жизни ничего нет. Но я уже стара морально, а физически уже и разучилась поддерживать свой образ. Не хватает сил верующих в меня. А потому, я просто уйду, но в пантеон, и уже оттуда буду за тобой наблюдать, но не вмешиваться в твою жизнь. Мы с братом и так сделали невозможное – спасли твоё я, правда, привязать смогли только к частичке самого тебя, в твоём случае, к сыну. Но получилось так, что он ушёл раньше тебя за грань в другой реальности. Тебе повезло, просто повезло, и боги допускают ошибки. И вот всего на один год в летоисчислении провал, и ты уже в другом измерении, хотя и тут всё идёт, как и в той реальности. Ничего не меняется, кроме тебя. Теперь от тебя зависит, переживёт ли твой сын всё, что с ним произошло. Хотя он сам ушёл уже за грань мысленно. Сдался. У тебя есть шанс прожить его жизнь, уже не отвлекаясь на его желания, хотя его умения и знания, как и твои, останутся с телом. Всё просто. Но сейчас, что ты, что его тело очень истощены. Мышцы атрофировались почти, да ещё и переломы плохо, и главное, неправильно зарастают. Но всего хуже, что тебя просто и бесцеремонно пытаются убить. Но если будешь слушаться, пока я с тобой, то я научу тебя пользоваться своими внутренними силами, а их у этого тела накоплено в достатке»

Я хмыкнул про себя.

«Ты про то, что у моего сына много запаса... шоколада?!» – схохмил я.

«Я поняла твой юмор. Да, ты прав, и это в твоём случае хорошо. Но если ты устал от жизни, то могу и оставить всё, как есть, а то и вовсе помочь безболезненно уйти. Ты как?»

Не, такой замес я пропускать не хочу. Тут и покуражиться можно неслабо, да и просто пожить в своё удовольствие.

«Не-е-е-е, спасибо, я уж лучше тут, чем там, тем более, ты говоришь, что всё течёт и меняется, как в настоящем мире».

«Я неправильно выразилась. Это и есть реальный мир, но ты можешь на него как-то повлиять, ведь через два дня тебя, вернее его, этого тела, уже бы не существовало. И ещё, я бы не советовала связываться с тем тобой, настоящим. Просто, не советую... я знаю, что вы добились серьёзных успехов в передаче информации на большие расстояния. Тебя просто не поймут и могут быть у тебя теперешнего большие проблемы. Ну, что, ты готов?»

«Да» – ответил я.

«Тогда начнём. Старайся следить за своими ощущениями, а мы начнём разгонять твою лишнюю энергию по всему твоему теперешнему телу. Показываю один раз, будь внимательней!»

Даже не назвалась. Кто она, как зовут? Но с тем рвением, с каким она принялась меня лечить, могу предположить, что что-то с древним искусством врачевания связано, и скажу так, если все, что она мне показывала и рассказывала, люди в те древние времена знали, то сколько же мы тогда потеряли невероятных, почти волшебных знаний!

Тело горит, и я его начинаю по-настоящему ощущать. Ещё час экзекуции, которую я уже сам под её присмотром провожу, и я уже могу, в свете утреннего солнца, лучи которого занесло к нам в палату, спокойно поднять руку к глазам и осмотреть свою ладонь.

М-да... и где набитые костяшки? Где эта стальная мощь хватки?

Какие-то розовенькие, пухленькие отростки, а не пальцы пацана.

Да, подзапустил себя потомок, притом серьёзно.

Общается со мной богиня через силу, так и сказала, что силы кончаются. Уходит, и вот пытается всего за одну ночь втиснуть в меня знания поколений. Но это же невозможно! Обещает заложить мне в память свои заготовки, закладки, которые будут раскрываться только тогда, когда в предыдущих знаниях я буду подходить, с помощью практики, к точному, безупречному их исполнению. И если несложные приёмы будут даваться мне относительно легко, то к серьёзным я, с её слов, вряд ли когда вообще притронусь. Возможности моего тела этого мне никак не дадут сделать.

Четвёртые сутки, как я относительно стабильно и без посторонней помощи прихожу в сознание. Просыпаюсь, а потом начинаются процедуры. Медперсонал каждые сутки меняется, тут заступают на сутки на дежурство, но лечащий врач появляется исправно, всё-таки ДТП наделало много шума, столько народа погибло, главное, что с нами моей сестры не было. Она, как обычно, гостила у родителей мамы, оттого и осталась жива. Моё пробуждение и начало выздоровления... относительного, конечно, кое-кому очень не понравилось. Оказывается, за имущество семьи идут нехилые разборки. Если меня уже вычеркнули с помощью юристов из доли, причитающейся с делового имущества отчима, заводика там и баз хранения, то вот исключить из права наследников от квартир и аптек, которые были записаны только на мать, не получалось у них никак. Сестра, оказывается, всего на год меня младше, хотя по продуманности и знанию жизни, выглядит старше лет на десять. Да и отношения у моего сына с ней раньше как-то не складывались. Ругались постоянно и вечно что-то делили. Вернее, это девчонка пыталась свою гегемонию в их отношениях насадить, а сына волновал только комп, нэт, компьютерные игрушки и виртуальные друзья. Домашний мальчик, а теперь...

Пятый день как я очнулся не в себе. Я только начал разговаривать. Опять дежурство у милой Марины Николаевны, она самая добрая и ласковая. А впрочем, ко мне вроде, все нормально относятся и жалеют, причём о последствиях аварии так меня пока никто и не просветил. Но я же не дурак, всё понимаю. А вот, как раз в её следующее дежурство, видно, прознав, что кончить меня почему-то врачам не получилось, прибыл адвокат сестры.

Как его пропустили в реанимацию? Хрен их знает, тем более к тяжело больному, но видно, деньги все заборы расчищают на своём пути.

Холёная рожа. Пиджак от Версаче, часы на сотню грамм золотом, очки итальянские, правда, даже они не могут прикрыть этот брезгливый взгляд уроды, направленный на меня.

– Поговорим?

Что характерно, врач увёл Марину Николаевну, которая пыталась возмутиться.

* * *

Лежу, никого не трогаю, только что этот урод меня оставил в покое.

Ну и дела творятся ... даже представить не мог, что пойдут на такое, чтобы деньги заграбастать и совсем никого не останавливает, что я всего лишь подросток. Тринадцать лет, седьмой класс.

Мало им завода, мастерских и баз хранения... им и квартиру подавай и аптеки, что на маму записаны были. Вернее, на жену.

Я прикрыл глаза. Я уже сам путаться стал и забывать, а кто же я. Остаточные мысли сына всё-таки сбивают с толку – не полностью он ушёл... не полностью.

А доктор всё-таки... нет, не сука. Его самого, видно, начальство заставило устроить мне эту встречу. Но молодец – во время нашего разговора, когда эта сука мне тут пыталась голосом давить, врывался и делал замечания!

Действовало на урода отрезвляюще, такая защита от медперсонала.

Прикрываю глаза.

И теперь постепенно, спокойно прокручиваем весь разговор с адвокатом от начала до конца.

... Мы в палате одни. Я лежу на двух подушках. И стараюсь не шевелиться, пускай думает, что я совсем плох.

– Андрей, ты знаешь, о чём я с тобой хотел бы переговорить? – уточняет у меня этот боров.

Я кривлюсь.

– Кому-то понадобились деньги отчима?

Адвокат от моего ответа ажно поперхнулся.

– Можно сказать и так. Тебя всё равно признают невменяемым и не способным принимать самостоятельные решения. – Он с ходу начинает меня сразу пугать.

Наверное, верный расчёт был. Парень после аварии почему-то выкарабкивается, несмотря на все усилия врачей, но психически должен быть надломлен.

А тут...

– Давайте пропустим угрозы и давление на меня. Чего конкретно от меня вы хотите? – тихо, почти шепотом, спрашиваю я.

Боров задумался. Видно, на ходу перестраивается, меняя тактику в разговоре.

– По документам ты наследник всего, но в реале это далеко не так. – заявляет адвокат.

Вновь растягиваю губы в усмешке.

– И у вас найдутся доводы и для суда? – спрашиваю я.

Мужик вопросительно изогнул правую бровь. Красиво и не обычно. У меня так не получается – если и двигать бровями, то только всеми сразу. То есть, двумя по отдельности не получается.

– А будет суд? – спрашивает он.

Я тихонько двигаю плечами, словно хочу пожать ими, но движение получается не законченное, будто я просто немного замёрз, оттого и такие движение судорожные.

– Давайте вначале разберёмся кто, что от меня хочет и какие на это есть у всех права, а уже потом будем обсуждать возможность обращения вашего или моего в суд. И не забывайте, есть интернет и возможность обращаться через него к правящим кругам, а я почти сирота, и вообще «бедненький мальчик». Если правильно подать информацию в те же СМИ вам, боюсь, мало не покажется.

Не ожидая от меня таких заявлений, боров перешёл на крик.

Вот именно тогда и ворвался в палату мой лечащий врач и предупредил дурака, что если ещё раз услышит крики – выгонит его в шею ко всем чертям из палаты и главврач ему в этом не указ.

Адвокат уже потом понял, что я его просто провоцирую... и понял, что нахрапом меня не продавить и что никакие документы я подписывать, тем более сейчас, уж точно, не намерен.

К тому же...

– А с чего вы решили, что я откажусь от своей доли в бизнесе отчима? Как понял, в завещании я являюсь наследником. Я прав? А так же обязан буду заботиться о сестре.

Адвокат поморщился...

– Как раз, ваша сестра и не желает, чтобы вы, именно вы, заботились о ней, к тому же, вы не в состоянии, по понятным причинам, пока принять, как активы вашего отца, так и всю его и вашей матери недвижимость. Неприятное дело суды между родственниками, но... – адвокат смотрит на меня серьёзно... – у вас нет шансов.

Я усмехаюсь в ответ, даже забыв показать, как я слаб. Отвлёкся.

Но видно, на мой промах и сам адвокат не очень то и обратил внимание. Во всяком случае, мне так кажется.

– Шансы есть всегда, уважаемый, – отвечаю ему на полном серьёзе. – Вы не можете себе даже представить, кого я могу призвать защищать мои права, а если ещё заинтересованным лицам пообещать часть своей доли в бизнесе отчима. Да вас на части разорвут, тем более, позиции в суде у моих адвокатов будут намного серьёзнее, чем ваши, и уж поверьте, даже если сейчас вам удастся протянуть через врачебную комиссию, что я немного съехал умом, то повторная психологическая экспертиза всё поставит на свои места и тогда вам, и сделавшим первое заключение о моей невменяемости, придётся солоно, а то и уголовное дело заведут. Вам это надо?

Во я выдал на одном дыхании!

Даже, вон, адвокат проникся моей речью, но, видно, не её содержанием.

– То есть, договариваться с сестрой и родственниками вашей матери вы отказываетесь наотрез? – уточняет адвокат.

Я вновь, словно от холода, жму плечами.

– Вообще-то я не услышал ничего о договорённостях. Вы тут с самого начала мне пытались ультиматум впихнуть, пользуясь моим больным состоянием. Уже это одно характеризует вас лично, как редкую тварь! – решил я идти на конфликт.

Может, и не стоило в открытую оскорблять уroda но уж очень захотелось увидеть его реакцию на такой поворот в разговоре.

Но адвокат опытный – пропустил явное оскорбление на свой счёт мимо ушей – дело превыше всего.

– Что вы сами предлагаете? – спрашивает он.

Я только устало положил голову на подушки и немного прикрыл глаза.

Думаю.

А что мне от них надо? Денег и место для жилья и это... с такими родственниками я жить точно не хочу, лучше, как и предполагал мой лечащий врач – в детдом.

– Я скажу, как я сам вижу эту проблему. – Не открывая глаз, начал я. – По факту, я наследник и с этим ничего уже не поделаешь. Как я знаю, отчим никогда не брал кредиты, а потому и долгов у него нет. До моего совершеннолетия я спокойно могу найти на предприятия внешнего управляющего. И ещё, мой мудрый отчим не баловался с акциям, а значит совладельцев у него нет. А с базами хранения и того проще. Там есть директора – перезаключу договоры, и всё. Родственников пускать в управление компанией не хочу, и если попробуют, как например сейчас и дальше на меня давить – устрою им весёлую жизнь. По аптекам, кото-

рые принадлежали маме, и того проще. Возьму в совладельцы заведующих аптек под процент, чтобы было кому в них делами заниматься. А люди всегда есть хотят и лечиться, а потому продовольственные базы и аптеки всегда будут приносить доход. Ну, а с бухгалтером – найду порядочных за очень хорошую зарплату.

Адвокат внимательно меня слушает, и когда я замолк, он и произнёс свой вердикт:

– Это всё утопия! Вы, и правда, думаете, что так просто руководить таким большим бизнесом? – спрашивает он у меня.

– Нет, конечно, – я открываю глаза и смотрю прямо на его переносицу. Помню из опыта, что собеседникам такой взгляд очень не нравится... – я вам сказал, как могу поступить, и поверьте, я спокойно этого добьюсь, пускай, пообещав продать потом свой бизнес тем, кто окажет мне помощь.

– Тогда в чём ваше предложение по этой всей проблеме? – учтиво спрашивает боров.

– Моё предложение простое... – я сделал паузу, собираясь с мыслями, – вы мне выплачиваете мою долю, но после того, как её оценят посторонние, независимые эксперты. Описываем всё, оставляя в моём владении только нашу квартиру в Хабаровске. Плюсы – всё делаем быстро и без криков, разбирательств в судах, ну и прочей, сопутствующей этому разводу, дряни. Деньги мне на счёт. Под процент, который я буду получать в качестве пенсии до своего совершеннолетия. Такой подход меня полностью устроит.

– Это получится серьёзная сумма. – Говорит адвокат.

– И что такого? – усмехаюсь я. – Зато быстро и не надо будет нам всем ни на адвокатов, ни на суды деньги тратить. К тому же, и эксперты будут выставять среднюю цену, а не максимально возможную, которую можно получить на торгах, если выставить предприятия в открытый доступ для покупки. Исходим из этого.

Помолчали. Адвокат явно просчитывает варианты, но я уверен, что решили только нахрапом давить и, к тому же, афёра с моей хабаровской квартирой не прокатила у них, несмотря на то, что прокурорские этим вопросом сами занимались.

– То есть, ты предлагаешь, – наконец-то очнулся от дум этот дядя, – продать всю долю в бизнесе, я правильно понял?

– Да! – отвечаю я.

Опять молчание.

Нет, не молчит, вроде что-то по айфону скидывает. Наверняка записывал разговор, а теперь его и отправляет неизвестному абоненту.

Минут пять так и сидели молча. Он что-то у себя в телефоне клацает, я же чуть не заснул, так меня вымотал этот разговор. Пришлось одной из медицинских методик богини в себе энергию прокачивать, чтобы разогнать кровь по венам и артериям...

Вновь всё тело чесаться и колоть начало! Потерпим, зато потом такой кайф ловлю, когда действие процедуры проходит. Словно заново родился. А ведь я, реально, заново родился, правда тот факт, что тот я ещё живой и в данный момент бегаю по пескам Сирии, меня немного нервирует. Думал, как бы мне о себе напомнить «отцу», к тому же, я ведь помню наизусть свой номер. Номер телефона, который даже в Сирии берёт, ведь как-то я же общался со своими бабами раньше, и даже начальству докладывал по нему. Всякое бывало.

Но вот, вроде очнулся дядечка.

Оторвался от смартфона, перевёл взгляд на меня, увидев, что я в сознании и не сплю, проговорил:

– На твои условия согласны, но экспертиза даст минимальную и максимальную цену на недвижимость и активы. Есть тут компания с именем, которая практикуется на аудитах. Срок – месяц. Но в черне получается так, порядка двух миллионов за всё.

Я же удивлённо вскидываю брови.

– Так мало?

– Два миллиона евро... – держит маску на лице адвокат. – Если всю сумму, или чуть больше, или меньше кинем, допустим, в ВТБ-24, то выплата в месяц составит шестнадцать сотых процента, то есть, на руки в месяц это примерно три двести евро. Мои заказчики уже сейчас, без всяких проволочек, предлагают выплачивать эту сумму. Договор о продаже я разработаю немного позже. Сейчас же мы можем решить вопрос принципиально, к тому же, тебе будет выдана дебетовая карточка и уже сейчас, каждый месяц, станет приходить оговорённый пенсион, которым ты сможешь распоряжаться, как тебе вздумается. Получишь паспорт через год и откроешь уже свой счёт, личный.

Я улыбаюсь.

– Его и сейчас открыть можно по, например, загранпаспорту, а он, как раз, у меня в наличии есть, как и карточка. Телефон мой остался цел после аварии и никто его не прикарманил. А потому, о полнении мобильного банка смс придёт. Как за этот месяц оплата придёт, так и продолжим разговор. – Говорю я и откидываюсь вновь на подушку, закрывая глаза, всем своим видом давая понять, что я устал и разговор закончен.

Но вот, буквально, через пару минут молчания тренькнуло сообщение.

Ого! А это ещё кто?!

Мне протягивают мой же телефон.

Ну-ка!

Шесть с половиной тысяч пришло на карточку, причём евро.

Однако, оперативно! Видно, у кого-то там, на том конце провода, кто сейчас слушает наш разговор, явно что-то горит с активами отчима.

– Договорённость подтверждаю. Готовьте документы, а также размежевание по квартирам.

– Понял. – Поднялся на ноги, улыбающийся, довольный разговором боров.

Но я его остановил просьбой, когда он уже был в дверях, причём в проёме явно виднелась и фигурка моего лечащего врача, и Марины Николаевны.

– Уважаемый, во-первых, вы так и не представились, а ваши документы я не рассмотрел, и номер телефона для контактов вы почему-то не оставили. И ещё, пара просьб. – Я посмотрел на лицо адвоката, с которого сошла улыбка, довольного жизнью борова. Ничего, сейчас ты у меня и вовсе скривись. – Во-первых, я не хочу жить со своими родственниками, и не обижусь, если меня поместят до совершеннолетия в детдом. Думаю, у моих родственников найдутся средства, чтобы поддержать какое-нибудь подобное заведение, чтобы я там мог себя вполне комфортно чувствовать, зато я им своим видом надоедать уже не буду. И второе, – я посмотрел в глаза адвокату – врачу, вами проплаченному, скажите, что не стоит меня больше травить. На тот свет я уж точно не собираюсь, ладно?!

Вы бы видели его лицо. Оно пошло пятнами, глаза расширились, а ведь мои слова и наш медперсонал услышал.

Адвокат ничего не ответил, а только слегка кивнул головой и, развернувшись, окончательно вышел вон.

* * *

И вот теперь лежу, отлёживаюсь. Отдыхаю. Деньги на карточке. Весьма приличные деньги, даже для Дальнего Востока. Мой врач, услышав последнюю мою реплику, кинулся шерстить, как я понял, мое дело больного. Марина Николаевна где-то хлопочет. Это сейчас так получилось, что в палате я один, а так часто кого-нибудь подкидывает судьба. Я же лежу с закрытыми глазами и думаю. Надеюсь, меня оставят в покое. Своё они заполучат после подписания договора на передачу прав на наследство. Как только увижу на своём счету деньги, так тут же и подпишу документы. Как быстро они это провернут – не мои проблемы. Меня на

данный момент больше волнует вопрос исчезновения богини. Напоследок она сообщила, что пакет со знаниями она в меня вложила и будет он распаковываться постепенно. Моя задача – постоянно совершенствоваться, тогда может быть появится у меня возможность и свои увечья исправить. С ногами проблема. Ходить не могу. Срослись кости отвратительно, как ни пытались уже в этой клинике исправить врачебную ошибку. А по новой ломать побоялись – я слишком слаб был. Решили оставить на «потом». Боюсь даже думать, как я ходить то буду и буду ли вообще! Пока я не ходячий. Вот богиня и учила меня своим древним трюкам. Вначале, с внутренней энергией разбираться и по своему усмотрению направлять её в повреждённые участки тела, подстёгивая тем самым регенерацию всего организма, а затем и собирать разлитую в пространстве энергию, исходящую от солнца, нашего светила... и преобразовывать её во внутреннюю энергию тела. Сейчас занят своими внутренними процессами в организме – гоню энергию в повреждённые ноги, стараясь ускорить сращивание костей в местах жутких переломов. Тем и спасаюсь. Да и много чего ещё показала перед исчезновением богиня, а напоследок...

– ... ты отлично умеешь учиться, Андрей, я думала, что от тебя толку мало будет, но ошиблась. Второй уровень знаний ты впитываешь спокойно, третий станет для тебя доступен, пускай и не сразу, но я уже верю, что станет. Ты барьер прорвёшь. Инфопакет распакуется самостоятельно, и возможно, во сне. А потому, ко всем своим снам относись очень серьёзно. Пробуй все наставления, которые в них будут – это путь к совершенству. Ты пережил много страданий, оттого твой внутренний баланс сместился в сторону медицины. Если сумеешь как-то дойти до пятого ранга, то сможешь стать великим целителем. Но это сложно. Безумно сложно. Я тут тебе и не по профилю знаний подкинула. Я научу тебя, как мысли переложить на умения и научиться ими пользоваться в реале. Например, я немного у тебя в памяти порылась. Ты неплохой боец, но тренироваться можно не только физически отрабатывая приёмы, но и просто мысленно изучив правильность их применения, а вот уже потом тело само начнёт их правильно выполнять. Не спорю, без тренировок и тут не обойтись, но они будут более продуктивны, и приемлемого результата удастся достигнуть быстрее. Но и это умение будет совершенствоваться и улучшаться, по мере его постоянного применения. Чем оно ещё хорошо – его можно направлять на другие биологические объекты. Не понимаешь? Объясняю. Ты сможешь обучать других, но для этого придётся каждый раз отправлять их в транс. И это я тебе тоже показывала. Кстати, такое умение, но только немного видоизмененное, может восприниматься и как боевое умение. Всё просто. Если научишься отправлять объект атаки в транс быстро, то противник просто будет при твоём воздействии засыпать. Но все это долгая практика. Учись! Для тебя это жизненно важно.

Многое показала и многому научила, вот только, на данный момент, это просто заготовки. И, что интересно, запасы сала сына, как ни странно, на данный момент играют положительную роль. Энергии мне не хватает, а вот так, постепенно худея и расходуя накопленные внутренние резервы, я восполняю свои потери при лечении. Но, на данный момент, я лечу себя сам. И меня сейчас волнует не адвокат и родственнички по линии жены, или матери, как посмотреть, а именно моё здоровье. Вопрос, а смогу ли я просто нормально ходить, на первое время меня очень волнует.

С мыслью о смене, так сказать, носителя моего сознания я уже смирился. Напрягает, конечно, выбранный объект вселения, но, увы, с богами не поспоришь, особенно, когда они собрались тебя отблагодарить! А тут ещё понимание того, что ты «тот», прежний, ещё пока живой. Сколько раз я уже порывался дать о себе знать, но вот сам думал, а как я «тот» восприму такую информацию от сына, которого никогда не видел. Ещё год жизни, почти... и что делать? Богиня советовала не ворошить – может прилететь просто страшная ответка.

Что же, я «тот» приговорён, получается, да и так изменение в реальности наступило – ведь теперешний я в теле сына выжил, получается. Вот он выбор, и как поступить я до сих

пор не знаю. Но думаю, у меня ещё есть время для решения этого вопроса. Почти год в моём распоряжении. А интересно может получиться, если попытаться спасти себя «того».

Я хмыкнул про себя, представив в реале нашу встречу с самим собой. У меня от мыслей даже голова от боли закружилась, хотя я и лежу на своей кровати в палате с закрытыми глазами. Но, ещё раз повторяюсь – об этом я подумаю потом. Мне бы теперешнему самому просто выжить.

Итак, что мы имеем, и что мы бы хотели иметь?

С одной стороны, дельцы, что так забеспокоились насчёт наследства отчима этого тела, мне играют на руку. Чего-чего, а жить с родственниками бывшей жены мне бы очень не хотелось, тем более, калеккой. Второй момент – деньги. Они никогда лишними не бывают и, как бы я не хорохорился, с активами отчима сына я, и правда бы не справился. Нет, попробовать можно было бы, если бы надавили... И так два ляма евро на дороге не валяются, главное – как ими впоследствии распорядиться, да и квартира в Хабаровске, по сути, в таком же ценовом плане. А это, если честно, как ни крути, задел на будущее. Но что мне с этого будущего?

Получить образование – раз. Просто, перво-наперво – выжить! А всю жизнь калеккой жить никому не понравится.

Да, не спорю, личный багаж знаний у меня, хоть и весьма специфический, но, по меркам биологического индивидуума носителя, он просто огромен. А на фоне его сверстников я явно буду выделяться, вопрос – в каком ракурсе. Детдомовские ребята и раньше то отзывчивостью и кротостью не отличались, а сейчас и подавно, когда, по сути, в мире и в стране стало всё продаваться и покупаться. Но и с родственниками жены я не уживусь, а после таких разборок, насчёт наследства, и подавно.

А потому – детдом, в больнице меня вечно держать не будут. Максимум ещё полмесяца, ну от силы месяц – и выпнут. И так уже завтра пообещали из палаты интенсивной терапии перевести. Вроде, на фоне моих усилий, я явно пошёл на поправку... у меня не только переломы были. Жаль! Мне так Марина Николаевна понравилась, и её отношение ко мне, и просто, как человек. Но ничего, пора мне в этом теле привыкать к самостоятельности. Деньги в наличии у меня имеются, хотя ими не очень-то пока и воспользуешься. Завтра, вроде, пообещали начать заниматься лечебной физкультурой – это уже мой лечащий врач, ещё до разговора с адвокатом меня обрадовал. Буду снова учиться ходить, но с помощью костылей. Это занятие мне знакомо – не раз в детстве, да и после ранений, я пользовался этим нехитрым способом передвижения. Что же, опять придётся пройти через этот, не сильно приятный момент в жизни, главное, просто встать на ноги. Со слов, вчера повидавшего меня травматолога, одна нога у меня более-менее уже срослась, а вот вторая, правая...

Предложил по новой ломать, хоть и не сейчас, а через, скажем, полгода, когда окрепну, но я отказался. Постараюсь сам себя вытянуть, время, как я уже говорил, ещё есть.

А насчёт денег и покупок – своего доктора надо кое о чём попросить.

Вот и наша медсестра появилась. Настроение у неё не очень, после посещения этого хитрого адвоката и моего разговора с ним тет-а-тет.

Она опять жалостливо посмотрела на меня.

Понятно, в её глазах – я калека на всю жизнь. Что-то там бубнил травматолог с моим лечащим врачом, что в армию меня теперь с таким багажом точно не возьмут. Здоровье то общее я, может быть, и поправлю, а вот с ногами, по-видимому, проблемы мне на всю жизнь обеспечены.

Посмотрим. Хотя вердикт врачей мне очень не нравится.

* * *

Всё, я в палате... еще не закончился второй день, с момента моего разговора с адвокатом сестры.

Очуметь! Деньги перевели, хотя я до последнего думал, что намечается обыкновенный кидок. И как только умудрились повернуть такую операцию? Банк ВТБ... и накопительный счёт на два ляма евриков... и вот на комп только что сообщение на почту пришло, что документы на квартиру полностью на меня оформлены. Серьёзная риэлтерская компания этим занималась, и мне это ничего не стоило – все расходы взяли на себя мои «добродетели».

А в ответ, я завтра подписываю документы на передачу всех активов, которые мне причитались, одной интересной фирмочке. Но это не мои дела. Поддержка идёт со стороны, опять же аудиторской компании. Проверка финансовых активов и сопутствующих документов уже проведена и, как я и предполагал, отчим сына умел вести дела, и активы у него, оказывается, весьма внушительные. Но мне до них всё равно добраться бы не удалось. А потому, радуемся тому, что в итоге имеем. Попросил прикупить мне эспандеры. Пора заняться тренировкой этого тела. Увы, по-другому не могу относиться, даже понимая, что это же реально мой сын, но, увы, мое сознание, вроде как защиту себя создало, чтобы окончательно от всего произошедшего с катушек не слететь. Потому и привыкаю к себе постепенно, и этому очень способствует простая боль. Раз чувствую её, значит, я по-настоящему существую. Попросил эспандеры для тренировки кистей рук, а также простой, на пружинах. Надо и руками, и грудными мышцами заниматься. Пока всё равно на кровати больше время провожу, хотя...

Хотя, вчера первый раз сделал попытку подняться на ноги с помощью костылей. И, скажу я вам, что не очень-то это у меня вышло. Ноги... это на данный момент моя главная головная боль и не только головная. Но я смогу, я выдержу!

* * *

Декада из жизни минус. Лето почти наступило, а я только и смог, что из корпуса больницы на улицу выбраться по ступенькам лестницы. Вот, вроде, третий этаж, а для меня, что спуститься, что подняться – это как для альпинистов Эверест покорить.

Но всё-таки это прогресс, как ни крути.

Вот, сижу на скамейке в больничном парке и рассуждаю мысленно, подставив лицо под весенне-летние лучики раннего солнца. Утренние процедуры закончились, завтрак умят, чаем запит, сижу, личные процедуры провожу, нещадно гоня энергию организма по всему телу, а тут ещё и солнышко греет! И его силу к себе привлекаю, как могу, а могу я пока, увы, не слишком хорошо. Но, как говорила богиня, терпение и труд всё перетрут, вот и тружусь в меру сил.

Но результат есть! После таких солнечных процедур, подъём на мой Эверест проходит намного легче, чем в первый раз.

– Что по активам? Родственники, наконец-то, пока от меня отстали. Мои доброжелатели оплатили место в детдоме на Дзёмгах в Комсомольске. Выпускать меня из своего поля зрения не решились, видно на что-то рассчитывают, надеюсь, не на то, что от проблем со здоровьем я на себя руки наложу.

Кто его знает, может мнительный и, если честно, то весьма малодушный сынок и смог бы так с собой поступить, но уж точно не я, да и помощь богини не последнюю роль в этом играет, к тому же, новая жизнь, молодое тело! А вот как им распорядиться, уже буду решать только я.

Что же, Дземги, так Дзёмги, ничем не хуже и не лучше детдома города Белогорска. Выживем, опыт имеется, да и по рассказам той же Марины Николаевны весьма приличное, на взгляд со стороны, заведение.

Выписка у меня, как и предполагал, не скоро. Решили до первого июня меня тут продержат. Там потом целенаправленно, наверное, на скорой и до детдома довезут. Что характерно, родственники меня тут же забыли, как только подписи свои в документах поставил. Пришлось немного раскошелиться, наняв сторонних юристов, уж больно заковыристо были составлены договора на передачу прав. Но, надо отдать должное моим тайным доброжелателям, ничего предосудительного в них так и не обнаружили, просто юридический язык составителей договоров для простого уха среднестатистического обывателя весьма непонятен. Двадцать минут – штука зелени, но зато можно было почти безбоязненно ставить свои закорючки под каждым документом.

А пока – тренировки и ещё раз тренировки. Руки – работа на бицепсы, кисти рук, потом грудные мышцы прокачиваем. Хилым появляться в детдоме нельзя, тем более, я на костылях буду и со статусом конченого калеки. Дети – существа жестокие, и шанса для травли себя любимого никому давать нельзя. Ни малейшего. Стоит дать слабинку – и пиши пропало. Заключают. А то, что, несмотря на моё теперешнее состояние, меня постараются поприжать и даже насчёт бабла раскрутить, и так понятно, зная какое время у нас на дворе. Жестокое и опасное.

* * *

Вот и июль к концу подходит...

Печально и главное, что больше всего обидно, что так лето прошло паршиво. Ничего нет хуже больничной шконки и состояния твоего здоровья, которое даже у врачей видевших многое в своей жизни вызывает тихий шок.

Я пошёл. Я встал, и, пускай сильно хромая на правую ногу, пошёл. Сам и без костылей, хотя, если честно, освобожусь от них я ещё очень не скоро. Но кто бы только знал, чего мне это всё стоило, сколько боли пришлось пережить и вытерпеть!

Боль – это, наверное, основное моё состояние. Всё тело саднит от техник применяемых мной по настоянию богини. Да, я чувствую – я живу, вот только такое состояние назвать жизнью что-то у меня язык не поворачивается. Нет, я не спорю – есть результат, но, боги, только желание жить не дало мне бросить всё, или, и вовсе не полезть в петлю.

Но результат...

Я, хромая, опираясь всего лишь на один костыль с правой стороны, уместившийся своим мягким подплечником, обвязанным дополнительно полосой толстого поролона, примотанного к нему скотчем, брёл к своему любимому месту на прогулке, а именно, давно присмотренной деревянной скамейке со спинкой, затерявшейся в алее лесопосадки, окружающей местную больницу.

Лепота! И отдохнуть можно, и даже помечтать.

Да-да, именно помечтать, потому что мои мысли о дальнейшей жизни, увы, пока планами назвать нельзя. Я не знаю, что меня ждёт в интернате, я не знаю, сколько ещё мне потребуется времени, чтобы вернуть здоровье этому телу.

Нет, я, конечно, работаю над его состоянием, как физическим, так и моральным. С духовной составляющей всё, в принципе, хорошо, и материально состояние поднять удалось на весьма высокую планку, во всяком случае, для человека тринадцати лет, но вот, что меня дальше ждёт? Чем заняться то? Мне же скучно будет. Я не смогу усидеть на месте, и эти детские разборки, я даже не переживал особо за общение с себе подобными, хотя уверен, что не одной сломанной рукой и челюстью эти притирки в новом для меня, хотя и знакомом обществе, не обойдётся.

– А, вот ты где! Привет! – раздалось рядом.

Задумался.

О, вот и мой ангел-хранитель, моя любимая медсестра, правда, в последнее время мы видимся не очень часто. У неё работа, дежурства, а я же стараюсь больше времени проводить на свежем воздухе, купаясь в лучах летнего солнышка. Вот и теперь, Марина Николаевна в своём аккуратном белом халатике на голое тело одетом.

Вот сколько ей лет? Думаю, под полтинник, но выглядит очень ничего, я прежний точно бы на неё запал и закрутил романчик, если бы, конечно, позволили.

Хвостик на голове незамысловатый. На милом лице минимум косметики, обворожительная улыбка. Достаточно хрупкая, но грудь под утягивающим бюстиком, явно выше трёшки. Как такое бывает не понимаю, хотя в своей прежней жизни встречался со всяким воплощением женской красоты, и при метр пятьдесят, тонкой талии и никакой попе, обладательница имела бюст под пятый размер. И такое бывает.

Но куда-то меня не туда занесло.

Воздержание, будь оно не ладно!

– Здравствуйте, дорогая Марина Николаевна. Какими судьбами тут, а не в своей родной реанимации? – пытаюсь я встретить своего ангела стоя.

Под её изумлённым взглядом, хоть и с трудом, но встаю на ноги без помощи рук и костыля, хоть и пришлось большую часть своего, пока ещё немаленького веса, перенести на левую ногу.

Но справился.

– А ты молодец! – радостно улыбается милая медсестра. – Вот уж мы с Яковлевичем даже и мечтать не могли, что ты сможешь вообще стоять на ногах, а тут...

Она подошла ближе и нежно, едва касаясь меня своей грудью, приобняла меня.

Как же приятно! Я, сам того не замечая, счастливо заулыбался, настроение скакнуло в необозримую высоту.

– Я так рада за тебя!

Потом глазами показала на скамейку.

– Давай всё-таки присядем. У меня есть пара минут, хоть поговорим, а то, в последнее время, я тебя и выловить то не могу.

Мы уселись рядышком, откинувшись всем телом на спинку скамейки.

– Вы-то сами как? – для приличия спросил я.

– А мне то что? – улыбнулась она в ответ. – Работаю. Дети учатся. Муж в командировке. Зарплату платят. Денег более-менее хватает. Дачу завели, по выходным там фигуру соблюдаю.

– Ну, вам растолстеть, уж точно не светит! – кидаю я ей комплемент, весьма кстати сомнительный по содержанию, но на него слышу в ответ довольный смех.

– Скажешь тоже! Хотя, все женщины по материнской линии всегда были худышками, но с хорошей грудью.

Ну, что сказать – медичка, а у них стыд, как элемент, отсутствует напрочь.

– Ну, что мы все обо мне, да обо мне, ты то тут как? Решил уже, когда нас покинешь?

Я пожал плечами.

– Вообще-то, от меня это вряд ли зависит. Лечащий... меня же Зинаиде Степановне предали от Яковлевича, по анализам гоняет, говорит, что и вовсе по мне диссертацию писать надо.

– А ты заметно схуднул, – окидывает она меня довольным взглядом. – Вроде же, кормят неплохо у нас.

– Да на убой кормят, – соглашаюсь я, – но я занимаюсь. Стараюсь больше ходить, занимаюсь лечебной физкультурой, а вот бегать пока не получается.

– Ну-да, ну-да, я же сама с Яковлевичем тебе эспандеры покупала. Что твои... не посещают?

– Издеваетесь? – смеюсь я. – Да я лучше бы тарелку горчицы съел, чем общаться с сестрой и её родственниками.

– Но ведь они и твои родственники, – напомнила Марина.

– Я их так не воспринимаю, – усмехнулся я. – Особенно, с учётом последних событий.

– Больше не дёргают? – с тревогой в голосе спросила мой ангел-хранитель.

– Нет. Получили своё и успокоились. Я тоже не внакладе.

– Но как же жить без помощи семьи? – печально произнесла Марина.

Я скривился, словно лимон откусил.

– А кому такая помощь нужна? – с жестью в голосе спросил я. – Деньгами поделились, квартиру в Хабаре вернули, в детдом взносы сдают – я без претензий.

– Но детдом? – вопрос в голосе.

– А что детдом? И там люди живут и учатся тоже.

– Дзёмги... бандитский район, как впрочем, и весь Комсомольск. Тут очень распространена блатная романтика.

– Она меня не интересует, – смеюсь я, – не беспокойтесь, Марина Николаевна, вором в законе, впрочем, как и бродягой, мне точно не стать. Я семью хочу, да и со здоровьем что-то делать надо. Но вначале – школа, образование и найти своё место в этой жизни.

– И куда после школы решил податься? – интересуется она.

– Пока не знаю. Да и рано ещё об этом говорить – впереди всего седьмой класс. Ещё четыре года, решу. Да всё зависеть будет, как со здоровьем у меня будет к этому времени.

– Яковлевич сказал, что в армию тебя вряд ли возьмут.

Я развёл ладони в стороны, как бы аплодисменты изобразил.

– С одной стороны, плохо, не хочется в глазах других неполноценным быть, с другой, и хорошо, терять время на армию я имею в виду срочную, не хочется. Поступлю в универ, может во Владик, на остров Русский рвану, а вот на какой факультет пока не скажу, может даже в медицинский! – смеюсь я.

Марина только головой качает в ответ.

– В медицинском сложно учиться, – наконец-то, выдает она заезженную фразу.

Всем кажется, что именно медицинское направление в образовании самым сложным считается у обывателей, но врач врачу рознь, хотя общая подготовка может быть, и правда одинаковая. Скелет знать надо, все кости на зубок, мышцы тела, в общем, весь анатомический атлас.

– Хотя, я твои мысли, насчёт учёбы на доктора, поддерживаю. В своё время мне смелости не хватило в институт поступать. Я уже замужем была и ребенок на руках, а муж, как обычно, на полигоне время со своими солдатами проводил. Куда уж мне было? – с грустью произнесла Марина.

– Зато девочка ваша врачом хочет быть? – усмехнулся я.

Марина только отмахнулась.

– А! У Саньки в голове ветер. Она хоть и постарше тебя, но непостоянна – жуть. Мальчиков, что перчатки меняет, а насчёт учёбы и планов на образование и того хуже. То аптекарем хотела быть, то хирургом, а теперь вот о зубном враче задумывается. Вот, в мечтах уже статмологическую поликлинику открыла, но не отнять – учится на отлично, даже похождения с женихами на учёбе не сказываются. Как успехи с эспандерами? Мне тут шепнули, что истязал себя на соседнем с больницей дворе, там ведь и что-то вроде брусьев есть, и турник сделан.

Я усмехнулся.

– Да какой там турник, перекладина! – смеюсь я уже в открытую, – но вы правы, пытаюсь приучить себя к подтягиванию на перекладине и отжиманию на брусьях. Увы, успехи у меня

в этом пока аховые. Задница к земле тянет. Слишком уж я её большую наел. – Улыбка у меня на лице.

А вот Марина с удивлением всматривается в моё лицо.

– Странно.

– Что странного-то? – удивляюсь я такой реакции на мои простые, по сути, слова.

– Ты так спокойно над собой смеёшься, – она немного задумалась, – теперь-то я уверена, что никакие подколки твоих сверстников, в будущем, не вынудят тебя на необдуманные поступки. И это очень важно, особенно в условиях жизни в интернате, или детдома. Контингент ребят там...

– Она покачала головой.

– Да нормальный контингент. – Отвечаю я серьёзно. – Дерьма и в простой жизни хватает. В любой школе свой хулиган найдется, вопрос только в том, смогли ли учителя и классный руководитель направить его энергию в мирное русло, или им просто по фигу на всё – вот, что действительно важно!

– Вот в этом я с тобой точно согласна! У моего младшего в школе и не такое бывало, ты только послушай...

Говорила пару минут, а просидели минут сорок, весело болтая. Только после звонка дежурного врача распрощалась и бегом на рабочее место. Договорились послезавтра вечером встретиться и ночью посидеть вместе, как раз у неё дежурство. Если всё спокойно будет и по маленькой пропустить можно. Нормальная тётка, без комплексов, Марина Николаевна мне всё больше и больше нравится.

А в мыслях вернулся к разговору и к некоторым темам, затронутым в нём.

Брусья и перекладина. – Я усмехнулся. В пушок на верхней губе. С ума сойти, усы пробиваться начали. Расту, мужаю, на женщин тянет, причём, далеко не ровесниц. Вот и сейчас, Марину упросил нормального, желательно, грузинского вина прикупить. Причём, «Алазанскую долину» полусладкое. Привык к нему, ещё со времён срочки. Под него пару фруктиков. Мне тут самому купить, возможности нет. До магазина далеко, боюсь пока не догребу. Тут в соседний с больницей двор жилого дома еле колдыбаюсь, но результат есть. Целых два раза уже, хоть и сильно дёргаясь на весу телом, подтягиваюсь, причём обратным хватом. Так легче.

Думаете два мало? Ошибаетесь! До этого вообще висел на перекладине, как сосиска, причём, ну очень толстая. А вот отжаться, на пародии на брусья, у меня до сих пор так и не получается. Руки слабые, а живот с задницей – большой. Зато отжимаюсь целых шесть раз, причём всё на кулаках. Привычка. Заметные успехи, наверное, только в занятиях с эспандерами, особенно с кистевым. Набираю силу. А что, ведь целыми днями только и делаю, что мну изделие наших китайских товарищей, которые нам вовсе не товарищи. Говорю ответственно, как бывший военный. Знаю, о чём думают эти косоглазые, да только уж больно целуются взасос наши правители в Кремле. Ну, да не об этом разговор. Где я, а где кремлёвские небожители.

Отжимаюсь, когда есть свободное время. Даже тут, гуляя по алее. А что? Даже повреждённая нога выполнению этого несложного физического упражнения не сильно мешает. Вот так каждый день. Затем, когда медитирую, сидя на удобной скамейке, откинувшись всем телом на деревянную спинку, катаю, разлитую от излучения нашего светила, силу. Так сказать, концентрирую его у себя в организме. Хранилище энергии находится где-то в районе желудка, а может, он и является им, как раз. И параллельно обрабатываю поврежденные участки тела, прогоняя по энергетическим каналам организма энергетическую субстанцию. Получается это упражнение у меня с каждым разом всё лучше и лучше. В больнице особо ни с кем не сошелся. Ровесников раз, два и обчёлся. Две девчонки с какими-то переломами. Страшненькие и стеснительные. Пацан приклатнённый. Уродец редкий! Уже пытался куражиться надо мной. Я не обращаю внимания – физически унижить меня он пока не пытается, напарника для смелости, видно, ему не хватает, а так, переживу. Ну, не ломать же ему за его глупые шутки руку. Хотя

нет, так, если бы просто в школе столкнулись, давно бы он у меня отхватил, а здесь на разборки к главврачу из-за ерунды попасть мне не хочется.

В общем, я готовлюсь к выходу в свет. Деньги поступают ежемесячно. ВТБ пока обманом не занимается, хотя всяких предложений от него о правильном вложении средств, как они это понимают, поступает много и с завидным постоянством.

Ну, а устроить ночные посиделки с выпивкой заставило известие, что меня поставили в план на выписку.

Пока разговаривали, моя лечащая врач позвонила на телефон. Вначале уточнила, где я нахожусь, на территории ли больницы. Потом, уяснив, что беседую с Мариной Николаевной, гуляя по алее, сказала, чтобы готовился к выписке. Всего три дня у меня осталось на спокойную жизнь. Вот потому и решили с моим ангелом устроить лёгкое возлияние. Ей то что – муж в командировке, а мне приятно пообщаться один на один с нравившейся мне женщиной, хоть и старше она меня теперешнего весьма существенно. Но уверен, ни до чего серьёзного у нас не дойдёт. Да, даже до лёгкого флирта. Просто нравится мне эта лёгкая, весёлая женщина, да и Яковлевич, как раз, на дежурстве будет. Хотя, мне тут по секрету сказали, что у него интрижка с молодой врачихой из гипертонического отделения, они как раз подгадывают свои дежурства, чтобы вместе проводить ночь без особого палева. Как выразилась Марина, седина в бороду – бес в ребро. Оба семейные, но что-то им, видно, всем не хватает, коль, практически не скрываясь ни от кого, интрижки на работе заводят.

Рассказывает, а сама смеётся.

Видно что-то вспоминает из личного опыта. Да и ладно, мне бы просто развеяться.

Деньги я ей на карточку перекинул, она и не возражала. Ей есть куда свой заработок тратить, а мне то куда? А скопилась на карточке у меня, уже серьёзная сумма. Яковлевичу попросил конину приличную купить. Своему лечащему – мартини, но настоящий, а не подделку. Тоже в копеечку выйдет. Марочное вино – для нас, причём, грузинское, которое очень Сталин любил. И совсем, между прочим, не Кинзмараули.

Что я чувствовал, когда мне о моей выписке сказали? Точно не расстроился, просто понял, что пора тихой жизни закончилась. И теперь кидаюсь в жерло подросткового общества, что ещё тот вулкан. А уж Комсомольск...

Суки, ведь из Хабаровска перевозить собрались, а учитывая, что сам я в поезд никак сесть не смогу, опять на машине по тому злосчастному шоссе повезут. Что-то гложут меня смутные предчувствия, что могу не пережить я эту поездку, ведь организацией моей переброски в Комсомольск занимаются, как раз, родственнички, будь они неладны!

Надо подумать. Может, попросить Марину, чтобы она за деньги сама меня до Комсомольска отвезла? А что? Штуку вечно зелёных пообещаю – и всё, а тут и делов – четыре – пять часов по трассе, и на месте. Деньги есть, но надо бы подумать, хотя мысль явно здравая.

В палате у меня шесть коек, четыре из которых сейчас пустуют, да и мой сосед, дедок, по вечерам домой сматывается. В общем, вся огромная палата на всю ночь в моём полном распоряжении. Эх, был бы я ходячим, думаю, уже договорился бы с кем-нибудь о предоставлении особых услуг Вип клиентам! Есть тут две смазливенькие молоденькие медсестрички. Тоже на дежурства заступают.

– Чего на ужин опаздываешь? Тебя искали, кстати. – Проворчал старикашка.

Это были первые слова за весь день, с которыми ко мне обратился противный старец.

Где-то до пенсии на северах чалился, как на тюремной шконке, а потом и по работе на шахте. Тёртый калач. Наглый и с претензиями на лидерство. К тому же, кому не в кайф получить шестёрку, которая за тобой ухаживает. Только обломилось ему. Послал, причём в первый же вечер и почти первыми же словами, которыми мы с ним обменялись.

А через пару дней, когда эта падла поняла, что у меня и денежки водятся, потребовал проставу сделать – стол, поляну в палате выставить. У него дружок собутыльник в соседней палате чалится. Но опять не по адресу обратились, о чем я им, не стесняясь в выражениях, и поведал.

Повозмущались. Кричали, что слишком наглые пошли нынче молодые щенки, вот в их время уважали старость!

Промолчал я тогда, наверное, и правильно сделал, не стоила ругань того.

Ужин. Тарелка каши на молоке, кусок масла, какая-то там по счёту диета. Так и не запомнил. Вкусно, но однообразно, и за эти месяцы такая еда мне просто осточертела. Хотелось большущий кусок жареного мяса, курочку копчёную, в гриле, а к этому можно было бы солёный огурчик, под ледяную водочку. Но пока это для меня только в мечтах, и не потому, что нельзя или не могу себе такое позволить. Как раз то и могу. Вот только сам себя ограничиваю. Привыкать к плохому легко, от последствий избавиться бывает намного труднее.

Вот на отвальной с Мариной позволю этому телу немного слабого алкоголя попробовать. Посмотрю, как он на него подействует. Сегодня дежурит мой лечащий врач.

После ужина наведалься, когда я, как обычно, собирался сбежать в соседский двор. Успела к моему выходу практически.

– Поймала! – усмехнулась она, зайдя в палату.

– Опять один? – уточнила она.

Я пожал плечами, а чего комментировать очевидное?

– Ладно, – присела она на стул около общего стола. – Держать в больнице я тебя больше не могу, отправить на лечение в санаторий, как оказалось, тоже. – Она покачала головой, при этом с жалостью посмотрела на меня. – Вмешался тут в твои дела кто-то очень серьёзный. Затребовали и личное дело, и карту больного. Главврач проверял записи и сказал выписывать, мол, нечего уже держать. Сделали всё, что могли. На мои просьбы оставить тебя тут ещё на месяц, чтобы продолжить обследование, упёрся. Не знаю, с чем это связано, но точно не с его профессиональной деятельностью. Понятно, что кто-то его об этом попросил, причём тот, кому отказать наш главврач оказался не в силах.

Взглядом спрашивает, мол, понял о чём я говорю?

Я же только молча кивнул.

– И как мне добираться до детдома? – спросил я.

Она пожала своими хрупкими плечиками. Милая женщина и прекрасный врач.

– Даже без понятия. Об этом разговора нет. Пока нет. До выписки ещё три дня. Думаю, всё решится, тем более, я завтра на планёрке этот вопрос задам. Кто твоей доставкой в Комсомольск заниматься будет?

Посмотрела на меня серьёзно.

– Рекомендовала бы тебе этим самому беспокоиться, ты не лежачий. Есть поезда, как прямые, так и проходящие. Самолётом тоже можно – малая авиация рейсы делает. А на машине, – она с сочувствием кинула взгляд на мой модернизированный костыль, – думаю, ты и сам не захочешь, хотя и оптимальный вариант. Сейчас лето и дождей в этом месяце не обещают. По утрам даже туманов на трассе нет. А трасса скоростная, хорошая. Деньги, я слышала, у тебя имеются. Эпикриз я подготовлю. На комиссии ничего страшного не будет, да и формальность это. Но удивляет меня, что при такой травме, ребёнку, практически инвалиду...

Я скривился.

– Прости, но привыкай. – Жёстко произнесла она. – Пока бегать не начнёшь – инвалидность не снимут. Максимум, что могут предпринять – это понизить её категорию. Но вернёмся к разговору. Меня очень удивил отказ нашего руководства подсуетиться и отправить тебя в санаторий. Да в тот же Николаевск, тем более, что путёвок у нас навалом. Потому, прошу –

будь осторожен. Вот сейчас ты сам куда-то собрался. Знаю, за забор собрался, к тому же, дырок у нас в нём хватает. А вот не боишься, что там тебя кто-нибудь и подловит?

Ага! Кто-то явно делится инфой обо мне в больнице, что в принципе прогнозируемо. Тот же Яковлевич со своей пассивностью обо мне явно рассказывал, да и Марина Николаевна имеет недостатки, присущие всем женщинам.

– Я понял, учту, – улыбаясь, говорю я.

Ну не говорить же, что по ночам, оставаясь один в палате, в последнее время я тренировался, не только отжимаясь от пола, я и кое-какие па отработывал, особенно присущие стилю Айкидо, который, не скажу, что в совершенстве когда-то освоил, но в моём теперешнем состоянии, когда быстро я двигаться не могу, ударную технику ногами и руками не смогу использовать, остаётся только надеяться на ловкость своих рук и инерцию тел противников. Да и на соседе своём я тренировал, в обеденный перерыв, воздействие на него сонным состоянием. Вводил в транс. И, не хвляясь, скажу, что даётся мне это плетение – не плетение, заклинание – не заклинание, всё легче и быстрее. С парой противников, я думаю, легко смогу при надобности справиться, во всяком случае, думаю, что именно на столько врагов мне сейчас собственных сил хватит. Спасибо неизвестной богине!

– Да кому я нужен, уважаемая Зинаида Степановна? – кривлюсь я.

Но мои успокоения в душе врача отзыва по-видимому не находят.

– Как сказать, как сказать. Деньги многим разум затмевают! – внимательно смотря мне в глаза, произносит мой лечащий врач. – Вчера, пока ты по алее гулял, кое-кто о тебе справки у наших наводил, – припечатывает она меня фактами, – и заметь, нагло, в открытую, ничего не боясь. Прижмут паяльник к заднице, как в былые времена, и всё, куда ты денешься? Всё отдашь. Может, и найдут, конечно, потом, кто-то же должен за холодное тело ответить, но, думаю, что зная, кто у тебя в противниках, прокуратура не сильно рыть будет. Назначат крайним какого-нибудь бомжа, бывшего урку, и привет. Думаешь, ты у нас такой первый?

М-да, граждане врачи, до чего же вы циничные господа. А ведь реально, мне струны тронула, отвечающие за шухер в душе.

Значит, кто-то уже начал действовать, не дожидаясь моей выписки, как только стало известно, что по вечерам я на прогулку в город выхожу, вот же! Хабаровск, конечно, бывших зеков тут и так навалом, да и просто лихих ребят хватает, но так нагло действовать!

Потом поразмыслил.

Да не рискнёт тут никто меня обидеть, дело-то серьёзное и многие, в итоге, могут пострадать.

– Не волнуйтесь, тетя Зина, – улыбаюсь я своей самой обаятельной улыбкой, – ну кому я нужен? Ещё пару дней и меня тут уже не будет, но так и быть, сегодня схожу и завяжу на самоволках вплоть до самой выписки, – обещаю я, – а сегодня я уже настроился, – улыбаясь, говорю я. – По приходу доложусь. К чаю что прикупить?

– Ты собрался сам до магазина дойти? – удивлённо приподняв бровь, спросила эта великолепная женщина.

Чувствую, что уже никогда, наверное, и не встретимся, если, конечно, опять в травму не попаду в районе Хабаровска. Что, в принципе, на ближайшие годы вряд ли. Но красива, хотя и полновата. Моложе Марины Николаевны почти в два раза, по возрасту – лет тридцать, может чуток больше. Широкая в кости, личико круглое, но приятное. Знавал я ребят, для которых подобный формат верх эволюции. Им бы было за что подержаться. А тут, и зад, что надо, правда, грудь подкачала. Марина многим тут в этом вопросе фору даст.

– Да, схожу, может, тортик прикуплю. – Говорю я. – Сладкого захотелось.

Про вино молчу в тряпочку, явно тут не тот случай, сразу по рогам получу. Это с Мариной у меня отношения простые, да и сама она предложила немного выпить за моё здоровье, всё-таки впереди долгая разлука, возможно, что и навсегда, хотя уж у кого – у кого, а у Марины

Николаевны я и адрес, и номер телефона возьму. Буду общаться, к тому же, судя по Марине, доча у неё должна быть и вовсе секс бомбой, а к моменту, когда знакомиться можно будет, я постараюсь привести это тело в норму. В моём понятии. И кто знает, может и закручу романчик, а по пути и потенциальную тещу соблазню?

Тьфу ты! Ну и мысли крутятся в голове. Тут мне открытым текстом говорят, что интересовался кто-то мной, и пугают паяльником в интересном месте, а я, как обычно у вояк, думаю о бабах. Тринадцать лет! Ну, не знаю, в бытность детдомовцем, где-то в этом возрасте и потерял я свою девственность. Это было просто. И девчонки не строили из себя непонятно что. Пара лимонада, плохое вино и печенье на закуску. Ни цветов тебе, ни ухаживаний. Сунул, вынул, убежал перед сверстниками кичиться, что ты уже настоящий мужик. А всё общей сложностью в трёшку уложилось. Эх, было время!

– Лучше просто печенье или, на крайний случай, пирожное возьми. – Соглашается тётя Зина. Любит сладкое и все об этом знают, особенно всякую выпечку.

– Понял, что-нибудь свежее прикуплю.

– И чай в пакетиках не забудь! – уже улыбается мой строгий лечащий врач.

Всё, разрешение на самоволку получено. Главное, сильно не задерживаться. А с завтрашнего дня, увы, придётся прятаться, да и всё равно. Подготовку к отвальной Марина берёт на себя. Яковлевич будет. Тетё Зине потом подарю и конфеты, и Мартини, что не говори, а врачи в Первой Краевой весьма отзывчивые, или меня просто жалеют, сироту при родственниках. Но документы есть, они у меня на руках, направление в детдом имеется, хотя и обязаны по закону сопровождающего дать, а то и машину для перевозки инвалида.

Бля, инвалида!

Чуть ли не матерюсь в открытую, спускаясь по широкой лестнице, при этом, почти не опираюсь на костыль. Тоже тренировка для ног, хотя и чувствую сильные приступы боли в ноге, но терплю.

Ночью, пред отбоем, уже в постели, разгоню кровь и энергию по телу, и начнётся очередной период заживления и восстановления хрящевых и костных тканей. Вернуть пока кости в прежнее состояние не могу. Ни сил, ни знаний не хватает, но развитие в этом направлении мне ещё моя наставница наметила. Целый план составила, чем заниматься в первую очередь, а чем можно и во вторую, а то и третью. И её рекомендациям я следую, не отступая от сказанного ни на йоту.

Ковыляю на выход. Нагло и в открытую, к ближайшей дырке в заборе. Тропинка уж больно извилистая и в рытвинах, а так, напрямую, на проходной сегодня Митрич. Тоже хромой, но ему под шестьдесят, и вот с ним мы ладим. Куплю деду пачку сигарет, вот и пропуск, как на волю, так и обратно.

Ну, чо я говорил? Издали заметил меня, вышел на крыльцо проходной, улыбается.

Явно и на пиво рассчитывает, но за это можно мне и по голове получить от дежурного врача.

Ну уж нет, тут из персонала ругаться ни с кем не хочу. Даже не дав ему ничего сказать:

– Пачка Петра, и привет! – говорю я пароль. Скривился дедок, но махнул рукой, кивнул согласно, дав мне проход.

Ну, вот и всё, я на свободе. Хабаровск. Домой бы заехать, но это уж как получится, да и не хочется мне туда ехать, пока, во всяком случае, разве что просто помыться и переодеться.

Разбитый тротуар, впрочем и дорога к больнице ровным покрытием не блещет. Немного пасмурно к вечеру. Солнышка не видать, но на улице светло. Решаю, куда вначале – до ларька, или в магазин кросс в пару сотен метров сделать? Для меня это кросс. Или вначале позаниматься? Но потом, уставшим идти за покупками, мне явно не хватит энтузиазма.

В ларьке только печенюшки прикупить можно, а в Пятёрочке и тортики есть, и заварные пирожные. А что, дорогу осилит идущий, а мне по любому тренироваться надо.

По привычке осматриваюсь по сторонам.

Хайс на стоянке одиноко притулился, прямо около входа на территорию больницы. Кого-то ждут, или просто к больному приехали с посещением.

Никого подозрительно го нет. Хотя...

К дороге не приближаюсь. Проще всего инвалида машиной сбить, а потом ищи виновного, как ветер в поле, тем более, тут между домов, где ни камер нет, да и просто прохожих мало. Вот только небольшая толпа подростков у магазина виднеется.

Подростки. Не думаю, что к инвалиду приставать будут, хотя уродов по жизни хватает. Вернуться?

Ну, уж нет! Сладкого хочу и бутылку, либо Хабаровской третьей прикупить, или ласточку полторалитражку. Уж больно пить захотелось. Минут пять я потратил на этот забег. Не столько устал, сколько замучился выбирать, куда ноги ставить и упор костыля. Тротуар разбит напрочь. Ох уж, Россия!

Вот и стеклянные раздвижные двери Пятёрочки.

На удивление, парни на меня внимания не обращали. О чём-то спорят, смеются. Девчонки тут же жмутся, под мышкой у счастливичиков.

Молоденькие. Звонкие голоса. Красивые, вот только обилие мата уши сильно режет.

М-дя! Причём, что характерно, курят девчонки, и мат из их накрашенных губ слетает. Что-то перевернулось в этом мире, или я для него слишком стар стал.

Еле удержался, чтобы замечание по привычке не сделать, в последний момент рот успел прикрыть, вспомнив, кто теперь я и кто они, да и сколько их, тоже имеет значение. Тронуть инвалида – это одно, а дать в глаз за непонятные замечания – это влёгкую, и пофиг, кто у нас на пути каменного кулака стоит. А если это ещё и при девках сделать, да ещё и всей толпой...

Красота.

Потому, молчим в тряпочку. Раньше бы уже разогнал такую шоблу, а теперь только сжимаем в бессилии зубы, затыкаем рот и вперёд – за чаем, тортиком и ласточкой.

Эх, никому не понять, как приятен шопинг в тринадцать лет, когда ты был этого лишён в течение долгих четырёх месяцев!

Я, наверное, с полчаса бродил по рядам магазина, а за мной в отдалении с умным видом шёл охранник.

А что, инвалид, вряд ли деньги есть, однозначно воровать собрался. Такие мысли явственно читались на его усталом лице. Понимаю его, если украли и не поймали вора, всё вычитают из зарплаты его и ему подобных, включая и кассиров.

Кидаю в тележку минералку, конфеты, не удержался, хорошее настроение, бутылку пластиковую литровую пивасика для Митрича. Пускай порадует. Сигареты на выходе. На мне шорты и футболка.

В кармане телефон и карточка. Безнал тут в наличии, хотя теперь даже в некоторых круглосуточных ларьках такая услуга предоставлена. Но, в том то и дело, что в некоторых. Деньги наличкой мне все равно пока не нужны. Сосед зэк, ему не впадлу у меня по карманам пройтись, а вот карточку стянуть – палево, сразу на него подумают.

Вот и касса.

– Сигареты, пожалуйста, Петр Первый пачку. – Говорю я.

– А вам возраст позволяет? – спрашивает мадам на кассе.

Я только улыбаюсь.

– Я только посланец, меня послали! – шучу я. – Я самый ходячий и молодой из всех, – признаюсь я, – потому, этот заказ явно не для меня, к тому же, я спортом занимаюсь.

Кассирша смеётся, глядя на мою слишком полную фигуру.

– И что за спорт? – спрашивает она, начиная пикать выбранные мной продукты.

– Сумо и синхронным плаванием. Правда, партнёршу мне пока так и не присмотрели, – в открытую веселюсь я.

В результате, смех мне ответом и со стороны охранника. Расслабился пацан. Теперь уж точно запомнит меня. В результате, в пакете у меня, вместе с заварными пирожными, выпуска от сегодняшнего числа, и бутылка пива для сторожа на проходной, и сигареты. Конфеты от Коркунова и бутылка ласточки из холодильника.

В отличном настроении выхожу на улицу.

Подростки уже куда-то слиняли, а вот это уже странно...

Хайс, что стоял у проходной больницы, уже на стоянке магазина.

Ну, мало ли что...

Хотя, беспокойство ощутил. И куда теперь? Судя по всему, водила за рулём, а вот кто в салоне сидит – не увидеть. И пасмурно уже, и тонировка чёрная.

По дороге опасно идти. Захотят сбить, и увернуться не смогу. По тротуару, не факт, что они и туда не заедут, а бегать я не умею. Да и перехватить и затащить на ходу меня в машину, как раз, по дороге и проще всего, если там профи сидят, а не дятлы-любители.

Ну, что ж, тогда без вариантов, если права моя паранойя, а она не раз в прошлой жизни мне жизнь спасала. Ничего не меняем, а напрямик через дворы хромаем, до присмотренной и облюбованной мной маленькой спортивной площадки, расположенной буквально в двух шагах от забора моей больницы.

По дороге запомнил название улицы и проулок, и номер дома, так, на всякий случай, а вдруг милицию или скорую помощь придётся вызывать? Главное, чтобы не для себя.

Ну, вот я и на месте. Скидываем футболку, не стесняясь своего вида. А что? Живот складками от жира висит, буквально, на резинке шорт, руки тонкие, бицепсов, как таковых, нет, как и трицепсов, загар отсутствует. Хилый жирдяй, одним словом. Но, пока никто не мешает заниматься, можно немного и размяться.

Для профи мой комплекс многое бы сказал, а вот у прохожих, попытки толстяка как-то не по нормальному двигать руками, только смех вызывают. Так, наклоны, приседания пропускаем, не в этом случае, как и махи ногами. Я очень надеюсь, что в будущем и до этого пункта тренировки дойдёт, пускай и через несколько лет. Уж больно увечья у меня страшные, что даже богиня перед ними спасовала. Нет, как раз она то и не спасовала, ведь по пунктам моё выздоровление расписала, это я пока не готов себя исцелить, вот и будем готовить для этой миссии тело своё, теперь уже своё.

Вначале к брускам.

Надо удерживать свой вес, надо, пускай просто постою на руках, так они могут держать мою тушку. Но, вначале, попытки отжаться, и буду дёргаться всем телом, как припадочный, мне всё равно, что мне со стороны скажут, так, наскок... выпрямляемся.

Задерживаю дыхание. Это уже потом будем за вдохом и выдохом следить, когда подходов пять буду делать, по двадцать повторений, а пока так...

Есть! Я это сделал!

Есть отжим! Но руки предательски дрожат.

Спрыгиваю. Один раз для меня – это на сегодня олимпийское достижение.

– Эй, тюфяк, подь сюда! – раздаётся сбоку.

Похоже, вечер перестает быть томным. Трое. Два амбала с отсутствием интеллекта на лице, и прыщ, что держит руки в карманах.

В заднице, от приближающихся неприятностей, засвербело, очень не кстати вспомнились слова тети Зины про раскалённый паяльник в этом месте.

Вот же, я влип!

* * *

На улице светло, хотя времени прилично уже. Десятый час, ещё с полчаса и всё – темень. Народу во дворе нет. Все, видно, по квартирам сидят. Этот Абрикосовый проулок, именно так эта улица называется, совсем не фруктами пахнет. А эта троица, оказывается, меня пасла. Что троица, совсем не обязательно, может ещё и водила есть. Явно ведь с Хайса ребята. Сюда не стали заезжать. Меня просто упакуют и на руках отнесут к машине. Да и развернуться тут микроавтобусу негде, по сути. Продуманные, твари. Значит, будем рассчитывать, что у троицы ещё один поделник есть. Оглядываюсь. На лицо – испуг, в глаза – обречённость.

– Эй, вы чо к мальчишке пристаёте, он же инвалид!

– О как! За меня кто-то вступиться пытается.

– Я сейчас милицию вызову!

А голос то старческий!

Точно старик – вон, из-за дома вышел и видит, как я, держась за костыль, пытаюсь пятиться назад.

– Ты чё, дед, попутал что ли? – разворачиваются к дому лицом и один из амбалов, одетый в чёрную футболку с изображением какой-то фантастической твари, которая распахивает свою огромную пасть, делает пару шагов к старику. А плюгавый, видно играющий роль главаря в этой троице, небрежно бросает:

– Иди своей дорогой, дай мне с братом поговорить!

Какой ты мне брат, сучонок?

Но и кричать об этом я не собираюсь, ведь грохнут деда ни за что! Тут за бабками приехали и такие препятствия в виде жизни деда для этих уродов, вовсе и не препятствие. Дадут по голове – и всё, в землю потом закопают. И так дедок в годах, и точно в землю пора, но, уж пожалуйста, не из-за меня.

Хорошо и так, что внимание двоих на себя оттянул, вон, что-то говорят друг другу громко, но я уже не слушаю – у меня внимание сконцентрировано на третьем участнике нападения. Явно, гад, медлит, понимает, что на костылях я далеко не убегу, а потому и делает вид, как бы он не при чём, но вот отход в сторону забора больницы он мне уже перекрыл. Ну и пусть. Именно он теперь для меня первостепенная цель. Получится его отключить – выживу, нет – тогда точно познакомлюсь с паяльником в интересном месте.

С одним, даже амбалом, я бы попробовал справиться, с двумя, а тем более, с тремя – дохлый номер. Не с этим телом, уж точно.

Но шанс дед мне дал, вон, до сих пор продолжают собачиться, а я всё внимание на ближайшего ко мне амбала направил. Накопил, как учила богиня, внутри себя энергию, направил импульс умиротворения и спокойствия в амбала. Есть! Он вначале зевнул, а потом рухнул на землю как подкошенный, и на лице урода появилась счастливая улыбка.

У меня всплеск адреналина, но терять это состояние умиротворения никак нельзя – мне ещё второго гада укладывать надо, и времени у меня практически нет. Дед уже до своего подъезда дошёл. Стоит в дверях перекрикивается с щуплым бандюганом, а вот второй амбал обернулся ко мне и не понимает, куда же делся его напарник, и всего, что тут есть – небольшой кустик, но скорчившееся за ним тело в форме эмбриона с его стороны не видать. Озирается, уже рот для крика открывать начал, когда я вторую накопленную порцию на него выплеснул.

Всё, я на пределе. И так-то на ногах еле стоял, а тут и вовсе шатает, но и стоять просто так нельзя.

Вот щуплый, видя, что дед вот-вот зайдёт в свой подъезд, повернув голову в его сторону, начал движение ко мне.

Не успеваю достать обоих руками.

А почему, собственно, обязательно руками? У меня в руках отличное орудие, деревянно – паролоново-железное. В ножках моего костыля толстый железный штифт, и уже потом дерево, чем не полудом у меня в руках?

Второй бугай, гад такой, покрепче своего друга оказался, зевает, глаза слипаются, а всё равно падать не спешит. Что же, значит, именно он моя первая цель, и желательнее эту цель по башке достать и вырубить именно с одного удара.

Я, наверное, никогда в жизни не старался так быстро двигаться, что на перебитых и еле заживающих ногах сделать очень не просто.

Оптимальное расстояние для удара...

Размах... и с силой опускаю костыль на голову бугая.

Слава богам, не сломал! Не голову уroda, что рухнул подрубленным деревом на землю, а своё средство передвижения.

А вот и щуплый наконец-то обернулся, и выпучил на меня глаза. Что, не ожидал увидеть меня на таком близком расстоянии около себя, «братец»? Двор дома, обычный для Хабары. Грязно. Раздолбанная детская площадка. Везде окурки. Корявые деревья и рослые стволы американских тополей. Внутренняя дорога в колдобинах, тротуара нет, пара скамеек, даже целых, что удивительно. Кое-где детские горки покрашены. Сломанная качелька...

Всё это как-то мгновенно бросилось в глаза. Привычка осматриваться ещё со времён службы. Без этого в поиске не выжить.

И что с этим уродом делать? И не забывать про спящего! Если второго амбала я вывел из строя, думаю, что надолго, не скоро еще он очухается, к тому же, моё энергетическое воздействие сразу не уберечь, то вот с первым придётся поступать по жёсткой схеме, то есть, калечить. Если он не вовремя проснётся, то мне уже не жить. Дома вокруг нас – сталинки, старой застройки, где двух, а то и трёхэтажные. Но что интересно, вон, два прохожих проскочили, мужики же вроде, а никто не встрял, хотя и видят, что тут разборка идёт, и один из оппонентов ещё почти ребёнок, к тому же с костылём в руках, а значит, или больной, или инвалид, но нет, пробежали отвернувшись, словно ничего не видят. Знакомая ситуация!

Щуплый меня за противника, видно, не воспринял и кинулся в драку. Шаг в сторону, и с размаха ему по ногам, в район правого колена задулил.

– А-а-а! Завыло чудо, падая на землю, при этом как-то умудрился извернуться и схватиться за колено.

Ну, что же? А теперь нужно его малость попрессовать, но вначале обыскать, а вдруг волына у него имеется, или даже самый простой травмат? Сейчас перестанет выть, и начнёт стрелять. Мне это надо? Подхожу и вторым ударом своего оружия бью ему по руке, точно по локтю.

Есть хруст!

– А-а-а!

Парень вообще заорал, словно его режут.

– Упал лицом вниз! – команду я, поднимая вверх своё оружие, – а то сейчас тебе по кумполу прилетит, и не факт, что ты после этого выживешь!

Услышал.

Стоная, матерясь и при этом плача, перевернулся на живот.

– Руки в стороны! – продолжаю я.

Расставил. Ноги тоже, и даже без команды, видно опытный, не раз обыскивали, наверное. Звезду распятую изображает.

Прыгаю буквально ему на спину, приземляясь на колени.

Хекнул.

А что хочешь, во мне точно кило восемьдесят есть, если не больше, но вроде, уроду своим манёвром ничего больше не сломал.

– Тихо, не дёргайся, урод! – зло шепчу я. В душе то я спокоен, но всё равно детский организм на эту встряску по своему реагирует. Волнение унять сложно. Похлопал по карманам.

Так, точно! Вот же фронт! Подмышкой наплечная кобура, а в ней... ну ничего себе, бандиты у нас живут. Глок, только, похоже, не боевой, а травмат. Что и требовалось доказать!

Так, лопатник достать и телефон. Ничё так аппарат, айфон последней модели, хорошо же блатные в наше время поживают, хотя не факт, что блатной. Так, торпеды со своим управляющим, а к кому они относятся, ещё предстоит выяснить.

Вроде, чистый.

– Лежи и не дёргайся! – командую я, досылая патрон в патронник. – Пулю тут же в шею получишь, а там, как повезёт, но больно будет, жуть. Уяснил? – спрашиваю я.

– Да! – стонет он.

А теперь, быстро хромаем на своём оружии массового поражения до мирно спящего бугая.

Тут уже надо аккуратнее действовать. Стрелять в это, мирно спящее чудо, ой как не хочется, а выводить из строя надо.

А что, если...

Аккуратно снимаю с него его же ремень, который поддерживал штанишки, вернее шорты. Жарко парню, но вот он, пускай и от верёвочного ремня, но не отказался.

Мне всё в тему.

Медленно, чтобы не разбудить бугая, перехватываем ему петлёй руки, аккуратно, но сильно, затягиваем узел.

О-о, начал морщиться во сне. Ну, ничего, ты главное не просыпайся, и подольше, а то калеккой сделаю, с меня станется!

И так же аккуратно охлопываю ему карманы, до которых могу достать.

Чистый. Видно, если и была пушка, то в машине оставил, или просто так, в качестве пугала его использовали.

Пускай спит, болезный, а мы к третьему участнику этой драмы пока наведемся, благо, далеко идти не надо, а то я что-то так быстро передвигаться устал и нога правая очень сильно болеть начала.

Стараюсь отвлечься.

Доковылял. В отрубе, и тут без вариантов.

С трудом перевернул тушу на живот, охлопал. Оружия нет. Завёл бугаю руки за спину и привязал за мизинцы шнурком от его же кроссовок, рука к руке.

Вроде, бесхитростная вязка, но вот освободиться очень трудно. Спи, дорогой, а мы начнём разбираться, кто это меня так сильно хотел.

Ну-ка, что нам шуплый скажет?

Ах ты, гадёныш, от боли сознание потерял! И не расспросишь же теперь! А если...

Пока относительно светло, со своего телефона, фоткаю всех троих. Не забываю при этом следить за дорогой. Увы, про Хайс и возможного водителя забывать нельзя! А теперь, эти не очень фотогеничные снимки по вацапу скидываем одному знакомому адвокату.

Иннокентий Карлович Вин. Да-да, именно та рожа, которая меня пыталась развести на бабло и на квартиру в этом городе. Но, в процессе общения и заключения договоров о продаже моей доли, пришлось познакомиться поближе. Скользкий тип, но правила игры знает и соблюдает, потому что жить хочет и хорошо жить, потому что за его работу очень солидно люди платят. У кого, конечно, деньги на это есть.

Смеркается.

Набираю знакомый номер.

Гудки. А, вот и ответ.

– Да, Андрей Андреевич, какие проблемы?

Без приветствия, и даже не здороваясь, спрашивает чел «на том конце провода».

– Это я бы, Карлович, у вас хотел узнать, что за проблемы? – отвечаю я. – Номер моей карты вы знаете. Жду лям в течение часа, нет – вызываю милицию со всеми последующими проблемами.

– Не понял? – строгий голос, – мы-то в чём виноваты? – спрашивает он.

– Вы мои сообщения по вацапу смотрели?

Он мне документы для согласования и ознакомления присылал, вот с того момента и висит его контакт у меня в вацапе.

– Секунду, посмотрю... – говорит он, – а пока в двух словах объясни мне, что там у тебя произошло. – Просит он.

А мне что, сложно?

Изложил, как мог. Что в магазин собрался, потом позаниматься на турничке, здоровье поправить. А тут дяди странные прицепились, причём, явно ещё от проходной краевой больницы следили за мной. Очень грубые дяди, пришлось с ними неправильно поступить. Сейчас отдыхают, а я, очень обиженный на всех, решил вначале ему позвонить, прежде чем тревожить дядей в уставных пиджаках.

Так ему и сказал.

– Это хорошо! Не стоит беспокоить внутренние органы, – смеётся, чем-то очень довольный, Карлович. – Как тебе такое предложение, Андрей Андреич, – пауза, видно с мыслями собирается, – твой лям в четыре превращается? Как тебе такое предложение?

Я даже опешил. Хорошо, что сидел на скамеечке. Всё равно тела отдыхают, и присмотр с моей стороны за ними минимален.

– И в чём подвох? – удивлённо спрашиваю я.

Вот чувствую, что он сейчас улыбается.

– Видишь ли, если я правильно понимаю ситуацию, то в этом наезде нашей вины нет. Это, так сказать, – помялся, – те, кто с моим нанимателем вместе дела ведёт, но явно плохо ведёт дела. С ним, насчёт тебя, всё было оговорено. Я уже твои фотки переслал, кому следует, а у них свои разборки, и нужен был только повод. А четыре миллиона – это очень серьёзный повод, или привлечение ментов. И этих субчиков я знаю. Мелкие сошки, но только работают на одну фирму, которая, думаю, в скором, очень скором времени, поменяет владельца. А четыре... – хмык в трубку, – вам половина, и нам половина.

– А вашу половину, ещё пополам? – смеюсь я в ответ.

– Правильно понимаешь, ведь я сам заниматься этим не буду. Скинь адрес, где ты сейчас. Мои мальчики, кому моя половина и ещё пополам пойдёт, займутся этим мусором, что у тебя в ногах валяется. Я уже выезжаю. Финансы разруем по моему прибытию. Соточку я тебе захвачу, в качестве компенсации потерянных нервных клеток.

– Тогда ещё и пакет! – решаюсь я. – Винишко сладенькое, дорогое и хорошее, а к нему закуски.

– Ох, ты и ловелас! Ты же еле на ногах стоишь, а всё туда же? – смеётся адвокат.

– Это для врача моего, – отвечаю честно я. – Я и так задержался, а так ещё больше придётся задерживаться. Я ей сейчас перезвоню и попрошу, чтобы кипишь из-за моего отсутствия не поднимали, и на поиски не шли. Но это будет стоить. Конфеты, кстати, подойдут.

– Понял. Заскочу по дороге. Есть тут у нас один гипермаркет, где эксклюзив можно прикупить. Значит, так, ребята уже выехали, они на гелике. Саня – он покрупнее, и весёлый. С ним трое. Саня с тобой останется, а остальные, что с ним придут, те твоих гавриков заберут.

– Про Хайс не забудьте! – напоминаю я.

– А я и не забыл! – смеётся в трубку Иннокентий Карлович. – В Хайс их и упакуют. За их дальнейшую судьбу не беспокойся, она тебя меньше всего должна волновать. Даю гарантию, что ты с ними уже никогда больше не увидишься.

Понятно. Зачистят. Но это уже не мои проблемы.

– Давай, не грусти. Я скоро! – и отключился.

А я сижу и думаю.

С шуплого я телефон и лопатник снял, а вот с остальных...

Но что-то не хочется мне вставать. Саня этот на гелике... тут всё может быть.

Я прикидывал и этак, и так. С другой стороны, адвокат ясно дал понять, что моё сообщение о нападении на меня ему просто в ёлочку. И для его нанимателя, в первую очередь. Видно, компаньона, нечистого на руку, прищучит и, причём, по жёсткому варианту. А потому, можно быть спокойным, относительно спокойным, всё-таки пара лямов евро это очень серьёзный вариант, который мне перечислили за активы отчима.

Стоп! А какую валюту Карлович имел в виду?

Во, дела! Посмотрим, как понял меня мой оппонент. А пока есть время, трубку в руку и звонок!

– Аллэ! Зинаида Степановна, ко мне тут приехали, я задержусь на пару часиков? – не давая вставить слово, произношу я быстро в трубку.

– У тебя всё хорошо? – спрашивает она каким-то севшим голосом. – Тут с проходной звонили. Митрич сказал, что тебя спрашивали какие-то личности. Наш Миртич бывший милиционер, он шваль блатную за версту чует, а тут тебя спрашивают!

– Я буду иметь в виду, но я тут с друзьями. С меня марочное вино и конфеты!

– Ох! – наконец-то рассмеялась Степановна, – ты меня ещё на свидание пригласи, Казанова! Но на обещанный чай я согласна. Не задерживайся и будь на связи. Не будет тебя через два часа, начну названивать. Ждём!

Вот что значит хороший человек! И врач от бога, и отношение к пациентам отличное, и как женщина хороша, хоть и полновата немного. Не скажу про её личную жизнь, не интересовался, замужем ли она или нет, но вроде сплетен насчёт неё не слышал.

Сижу, лопатник шуплого рассматриваю, всё-таки трофей, как ни крути.

Открываем.

Карточки в сторону, даже отпечатки о футболку стираем. Что ещё?

Ого! Да парень крутым себя считал – столько бабла держал наличкой!

Ну, ничего себе навар! А может, это ему за меня заплатили?

Пять пятидесятичных и двенадцать бумажек по тысяче.

И зачем столько с собой таскать? Может, с кого-то стряс? Всё может быть. В Хабаре, вообще-то, крабовские мазу держат, но и противовес им есть, но это я так, из своих воспоминаний говорю. Теперь самые страшные бандиты это менты, прокурорские и фсбэшники. Вот кто в основном кошмарит коммерсов. Ладно, отбрасываем эти мысли в сторону. Сколько там времени с момента звонка прошло? Почти пол часа, и ведь уже становится темно и за этой троицей наблюдать и следить сложней получается.

О! Вроде фары сверкнули и какой-то шум и хлопанье дверей автомобиля где-то там за домом. Ночь на дворе, по дороге за домами мало машин сейчас носится, слышимость отличная. Тихий старый двор...

Прошла пара минут. Тишина. Вот, на одних габаритах, появляется из-за дома что-то вроде джипа. Квадратный. Гелик, точно.

Транспорт остановился прямо посреди дороги и двора.

Сижу. Жду, что дальше будет.

– Андрей Андреевич, вы где? – раздался молодой, весёлый голос.

Ну, если ему идёт половина от половины Карловича, даже в рублях, я бы тоже таким весёлым был.

– Здесь я, Саня! – кричу я. – Нога болит, на скамейке, в сторону гаражей и забора больницы идите. Я тут у турника обосновался.

– Понял, идём!

Точно. Четыре фигуры. Габариты не хуже, чем у лежащих на земле амбалов. Вот же, встрял!

Рукоятка пистолета придаёт мне уверенности.

– Привет, Рэмбо!

Смеётся высокий парень, подходя и протягивая запросто мне руку.

Пожать или нет? Вот в чем вопрос!

Но протягиваю свою клешню и пожимаю аккуратно, в знак приветствия, руку этого Сани.

– Так! Вижу троицу. Обыскивал? – спрашивает он.

– Да. Вон того малого. – Отвечаю я быстро.

Саня окинул мою физиономию. Комаров море, я уже замучился отбиваться от них, заели, гады!

– Эта крыса всегда любила одеваться красиво и в модные вещи. – Говорит здоровяк. Окидывает меня взглядом. – Куртка точно подойдет. Мы её в машине этих дурачков видели, когда водителя упаковывали. Держи!

Кидает он мне на колени ещё один лопатник и телефон.

– Твои трофеи. Как распорядиться – сам решишь. Их всё равно никто искать не будет, ты уж поверь.

– Грохнете? – устало спросил я.

– Зачем? – удивился Саня. – Сейчас не девяностые, да и смысла в этом нет. На счётчик их поставим. Деньги, машины с квартирами и коттеджами отберём. Сейчас на них такой висяк повесят, лет двадцать отрабатывать будут. Парни их на беседу забирают. А вот тебе переодеться бы. Сейчас Кеша подъедет, а то по ночам уже прохладно, а ты налегке. Пётро! – кричит он в сторону, – Куртку Щербатого из автобуса захвати, когда обратно пойдёте. Жора, а ты с этого дохляка штаныними, ща примерим, и кроссы тоже. Вроде, размер у парня такой же, не мешает. И по золоту пройдишь, не хер этим козлам ничего оставлять, и обшманай всех!

Саня прошёлся по месту нашего боя, при этом подсвечивая себе под ноги большим фонарём на диодах. Отличный обзор!

Один из помощников сунул ему в руки какие-то шмотки и вот Щербатый, которого таскали под мышки два бойца, убыл в сторону дороги.

– В автобус их уложим штабелем. – Произнёс Александр, подсаживаясь ко мне.

– Ну-ка, примерь. Джинсы – фирма, баксов триста, к бабке не ходи! Не стесняйся, кто увидит? Шорты в пакет положишь, лишними не будут. У Щербатого этого добра дома навалом, под мажора косил, хмырь.

Мне тут Кеша, пока ехали, по телефону твою историю рассказал. Уважение. И прими мои соболезнования. Тяжело родителей терять, да ещё в таком возрасте. Но почему в детдом то? У тебя, вроде, как сказал Иннокентий, тут в Хабаре квартира есть, да и учился в школе ты у нас в городе.

Я пожал плечами. Комары заели меня в моём лёгком прикиде, и я молил всех богов, чтобы штаны и кроссовки мне подошли. Джинсы сели нормально. Малость великоваты, и в длину тоже, но ремень снял проблему в поясе, а штанины я просто подвернул.

Кроссачи где-то на размер больше, но не критично. Свою одежду кинул в предоставленный мне Саней пакет.

– С родственниками по матери я не очень, – говорю я. – Гнилые. Хотя и сестра у меня есть, родная, по матери, – добавляю я, – а одному, без опекуна, мне, бедному, жить не дадут, а потому и детдом.

Помолчали.

Вернулись парни, которые оттащивали бесчувственное тело щуплого.

Взялись за следующего, а тот, кого Саня назвал Жорой, передал Сане какой-то маленький пакет.

– Так, эти барыги с наличкой были. – Под светом фонаря, который попросил подержать и посветить ему, Саня копался в очередном лопатнике. – Карточки – нам, тебе они без надобности, – решает он. – О! Ты смотри, видно, за тебя предоплату получили.

Ворошит цветными бумажками. Вижу – опять пятитысячные, но тут их явно меньше. Всего четыре и тысячных по минимуму. Три, не больше.

– А ничё так, портмоне. – Говорит Саня, и протягивает мне пакетик, что Жорик принёс. – Там золотишко с ребят сняли, нам без надобности. Ты их уложил – тебе и владеть. Кресты и цепи в порядке. Всего рыжья точно грамм на триста. Перстеньки. Но обручальные трогать не стали. Не тот фасон, да и не по понятиям это. Не поймут. Мобилы у всех крутые. Щербатого ты осмотрел? – уточняет Саня.

Я молча протягиваю ему карточки, которые хотел выкинуть.

– Неплохо.

Улыбается этот простодушный с виду здоровяк и протягивает мне в ответ два айфона. Хоть и не последней модели, как у Щербатого, но тоже почти новые. – Симки убрал. Проверю. – Говорит Саня. – Это уже не твоя проблема, да с телефона Щербатого дай тоже удалю.

Ого! – рассматривает он переданный мной телефон. – Неплохо!

Потом посмотрел на меня.

– Куртку накинь, а то загрызут кровососы.

Ещё два лопатника падают мне на колени.

– Карты их я забрал, коды они мне скажут. – Смеётся. – По секрету. Жаль, прав у тебя нет, а то бы и машину тебе отдал, но, думаю, этот вопрос вы с Кешей обмозгуете. От него сообщение пришло, что будет черед пару минут, уже на подходе. Подождём.

Парни уже оттащили третье тело, и как я понял, возвращаться они не собираются.

– Пошли, в машине под кондиционером посидим, а то и влажно, и комары достали! – жалуется Александр.

Я же в уме подсчитывал, плетясь со своим костылем до машины, дивиденды, полученные от этой драки.

Если будут этих бедолаг на бабосики разводить, то однозначно укажут, что я либо баксы, либо еврики затребовал. Если и машины с квартирами отобрать хотят и пожизненно долг отрабатывать заставят. Посмотрим, как это мне будет втюхивать Карлович. Судя по деньгам из лопатников, около сотни я сегодня точно поднял. Плюс золото, что сняли с бедолаг. А уж если ещё и телефоны сюда приплести, то и вовсе получится весьма кругленькая сумма, под триста тысяч. У Щербатого точно крутая мобила была.

Сели в машину.

Гелендваген. Машина ФСБэшников и бандюков, что в принципе одно и тоже. Слова синонимы. Устало вытянул ноги. Костыль примостился на заднем сидении.

Работает радио. Ждём адвоката.

А у меня в голове разные мысли роятся.

Если всё ровно, как сейчас, разложится и с адвокатом, то может, стоит того же Саню попросить подбросить меня в детдом? Что тут ему на гелике до Комсомольска доехать?! Часа четыре от силы при скорости в сотку, а если больше, то и того быстрее.

– Саня! – обратился я к молчащему хозяину машины.

– У! – открыл глаза он.

– У тебя дел в Комсомольске случайно нет? – спросил я на свой страх и риск.

– У-у!

Потом помолчал.

– А что?

– Да вот подумал, если бы было зачем туда мотануться, может быть и меня бы до детдома подбросил бы. Меня через три дня выписывают, а тут такое! – произнёс я.

– А, понятно. – Помолчал. – С Кешей переговори. Одобрит эту поездку – стоняем. Там у меня серьёзные друзья есть ещё с армейки. Один чечен чего стоит.

– Чечен? – удивился я.

– Настоящий чечен. Во вторую чеченскую бок о бок два года провели. У него дудаевцы семью вырезали. Полностью. Так вот, он в ответ деревню родственников главаря банды под нож пустил. Замяли. Даже тут на него покушались, но когда он с ответкой прилетел в Грозный, его кадировцы на поле в аэропорту у самолёта встречали. Отступные предлагали. Он ведь в бога ударился, православие принял. Сейчас под Комсомольском храм строит. Сам там вести службы будет. Вроде даже, как сан уже получил. Одно радует – женился недавно и детишки появились. Успокоился. Деньги у Ахметыча не взял за мечь кровную, а вот пожертвование на храм... там баба заказала его. Вроде, то ли мать, то ли бабка кого-то из родственников кровников, которых Шер проложил. У него позывной такой был. По их понятиям, с женщинами воевать стрёмно, если они не с оружием, а тут заказуха, но вроде успокоили и тут, и там. Ты не смотри, что я так молодо выгляжу. Тридцать три уже, как Христу было. А в Чечню в шестнадцать попал, совсем зелёный был, романтики захотелось. Идиот! Еле выжил.

Помолчали.

– Так что, если поедем, то познакомлю. У него в Комсомольске много связей и его многие знают. Будут проблемы – он прикроет. Я его попрошу, мне он не откажет. В дела блатных он не лезет, но его знают и уважают. Имя себе взял – я смеялся! Отец Василий! Я чуть не умер со смеху, когда услышал, но, как понятно, не при нём. Он к богу в вопросах веры очень серьёзно относится. У него два ордена за мужество, да и других полная планка. Старлеем ушёл. Офицерское звание дали после старшего прапора вместе со вторым орденом за мужество, в качестве исключения. У него своя усадьба под Комсомольском, мы с однополчанами там среди леса часто собирались раньше, но и сейчас раз в год точно отмечаемся. Традиция.

Темень на улице. Мы к больнице подъехать успели. Я Митричу сигареты и пивасик отнёс. Ждём Карловича.

– Кеша отзвонился. Уже на подходе. Менты его тормознули. Хорошо, что не наш автобус. Уже наш! – смеётся Саня. – О! А вот и его мерс, любит Кеша немцев. Хотя, мне больше Тойота вставляет. Тот же крузак. Ну, пошли здороваться. Вещи свои не забудь, вместе со своим костылём.

Не знаю что за модель. Седан. Черный, вроде. В такой темноте не рассмотреть и лампочка над проходной не помогает. Далеко она слишком.

Точно, Иннокентий Карлович собственной персоной.

Поручкался с Саней. Парой фраз обменялись, пока я от машины ковылял неспешно.

Потом, молча, кивает мне не переднее сидение. Но руку, в качестве приветствия, пожал.

Саня же, легонько хлопнув меня по плечу, произнёс:

– Я откланиваюсь, дела. Рад был познакомиться. Вот, возьми мою визитку, там телефоны и домашний, в том числе. С Кешей переговори, о чем меня просил. Разрешит – поеду. Можно было бы пару дней нормально отдохнуть. В баньку бы сходили, может девок пощупали, ты как насчёт этого?

Я же только усмехаюсь. Думал меня этим смутить?

– Я и от водки не откажусь, а не только от баб! – смеюсь в ответ. – Пока! До скорого.

– Пока! – смеётся удивлённый Александр.

В машине прохладно, работает кондиционер. Кожанный салон. Из динамиков лёгкая музыка, приятно пахнет цитрусовым освежителем.

Карлович, или как звал адвоката Кеша, молчит. Видно, с мыслями собирается.

И, наконец-то!

– Ну и задал ты нам всем задачку! – произносит он.

Я жму плечами.

– А я-то тут причём? – отвечаю я.

– В общем, расклад таков. По половине не получилось, – вздыхая, говорит Кеша. – Слишком много людей в деле, а оно, серьезней не бывает. Предъяву кинули, и ответа внятного не получили. Тебе лям евро кинем по документам, как и до этого делали. Договор, и всё такое. Бумажки скину быстро. Уже завтра готовы будут. Налоги с нас, не волнуйся. Тебе, вот, утешительный приз. Знаю, что мало, но всё-таки! – Пачка пятитысячных в банковской упаковке легла мне на колени. – Тут и моя благодарность и за микроавтобус этих хмырей. Мой босс очень доволен операцией. К тебе претензий ни у кого нет. И вообще, шеф сказал тебя под крылышко взять. Мало ли что в Комсомольске может случиться? Любой вопрос, который в нашей компетенции решим. Звони. Телефон знаешь. Не удивляйся, что вокруг тебя так всё закрутилось. Деньги огромные на кону, и ты пошёл нам навстречу, это я об отступных. А теперь, с этим дурацким нападением один акционер вляпался, а к нему и так много претензий накопилось, а тут такой косяк и ультиматум от твоего имени на четыре ляма зелени, а денег то и нет! С ментами бодаться никто не хочет. Прокурорские свою часть от нашей с тобой сделки хапнули, им светиться нельзя, так что уработали – сейчас завещание пишет. Объясняю тебе, чтобы понял, что никто тебе мстить не будет. Некому просто. Семью с детьми пообещали этому уроду оставить в живых...

Что-то мне поплохело. Даже я со своим опытом к этому цинизму не готов. Ну, да ладно, не я первым начал.

– Деньги в рублях, переводить будем по курсу. – Продолжает между тем Карлович. – Банк Тинькофф. У него проще, и намного. Все операции по переводам средств через него пройдут. По финансовым делам тебе всё понятно? – уточняет адвокат.

– Да. – Коротко отвечаю я.

– Тогда, переходим ко второму вопросу. – Улыбается Иннокентий Карлович. – Всё заказанное тобой я купил. Марочное французское, даже бокалы к нему есть в упаковке. Бренд какой-то, подарочный вариант, я не вникал. К нему яблочек немного и так, как ты просил, из сладкого. Рафаэлки, минитортик Наполеон, и так, по мелочи, но пакет тяжёлый. Вина две упаковки. Я так, на всякий случай. Но смотри, они литровые, не упейтесь там! И это... – съёт он мне что-то в руку... – на всякий случай. Пьяная баба «звезде» не хозяйка!

Смеётся, не любитель ненормативной лексики.

Презервативы. Пачка.

Ну, блин, Кеша!

– Если вопросов больше нет, то давай прощаться, чувствую у меня работы на всю сегодняшнюю ночь, и всё благодаря тебе!

– И баксам! – говорю я.

– И им тоже, – радостно смеётся Карлович, – но еврики лучше, а лучше всего английский фунт.

Посмеялись удачной шутке.

– Вопросов нет, – задумчиво произношу я отсмеявшись. Всё-таки этот вечер принёс поистине небывалые дивиденды. – Просьба есть.

– Какая? – тут же стал серьёзным адвокат.

– У меня выписка через три дня, – говорю я, – а как-то надо и до Комсомольска добраться, а тут такая непонятка с этим нападением. Кого-то, конечно, из попечительского совета мне в сопровождение дадут, но по вокзалам мотаться не хочется. Можешь решить, чтобы меня отвезли в детдом, например, тот же Саня?

– Саня? – удивился Иннокентий Карлович.

Задумался...

– Решим. Он отзвонится, я ему твой телефон скину. Принимается, тем более, и шеф просил присмотреть за тобой. Они, кстати, с твоим отчимом с детства друзья «не разлей вода» были. Для него его гибель очень серьёзным ударом. Конечно, он сейчас больше за твою сестру переживает, ну да ладно, забудем время, когда мы не могли найти точки соприкосновения, и благо, что все вопросы решил сегодняшний вечер. Желаю, чтобы он у тебя сегодня хорошо закончился. Например, в постели с какой-нибудь симпатичной медичкой. У меня, в твоём возрасте, по ночам все мысли были о бабах. Давай, помогу собраться. Ого, сколько вещей набралось! Может, помочь донести?

– Не! – отказался я. – Я, в случае чего, сторожа попрошу – ему все равно обход положено делать, вот и донесёт до отделения.

– Ну, как знаешь! – согласился Карлович. – Я до дежурки дойду, гляну там сторож, или куда уже смылся.

Но Митрич, на моё счастье, сидел у себя на проходной, в дежурке, видно следил в окно за подъехавшей машиной и видел, как я из джипа в этот мерс пересаживался. Как там Степановна сказала, что он бывший мент?

Всё возможно.

Стучусь. Открывает. Смотрит так с подозрением, но фон от него есть. Пиво моё, похоже, уже приговорил.

– Митрич, сможешь пакеты до отделения донести? – спрашиваю я.

– Пакеты? – переспрашивает старик. – Так чего бы не помочь то? – улыбается он. Вот что пиво животворящее делает!

– Смотрю, ты уже приедлся?

Все знают, что у меня из одежды почти ничего нет.

– Друзья привезли. – Отвечаю я.

– Ну-ну! – качает головой бывший оперативник. Он, видно, блатату за версту чует. – Пошли, покажешь что нести.

Поздоровался с адвокатом, который стоял у своей машины. Поднял пакеты, мои и тот, что привёз Карлович. Мне ничего в руки не дал, а просто сказал:

– Ты сам вначале дошкандыбай до палаты, а потом передачи носи.

Попрощались, и вперёд.

До окончания двух часов отсутствия, которые я выклянчил у врача, оставалось всего минут десять. Как раз успею дойти! – подумал я.

Митрич, на удивление, ничем не интересовался. Хотя, походу, срисовал и хайс и гелик и мерс, и всех их владельцев, которые имели ко мне какое-то дело. Но старый мент молчал.

А в принципе, не очень то и тяжёлыми были пакеты. Что там, то, что я прикупил в магазине, минус сигареты и пиво. Моя одежда, которая включала шорты, тапки и старую, застиранную футболку. Щербатого пацаны полностью для меня раздели. Ствол с дополнительной обоймой, кобура, лопатники и три телефона. Ну, ещё пакетик с золотом. И отдельный пакет от Карловича. Вот тот точно имел вес. Одного вина два литра.

Наконец-то я добрался до своего этажа. Митрич меня проводил прямо до палаты.

«Надо его потом как-то отблагодарить». – Подумал я.

– Спасибо большое! – произнёс я.

– Да не за что. – Усмехнулся дед. – Бывай!

А потом повернулся в дверях...

– Ствол спрячь, агент «ноль-ноль-семь»! – усмехнулся он, и был таков.

Вот же, что значит, опыт не пропьёшь!

Я так и сидел на своей кровати, и смотрел бездумно на входную дверь.

Что сегодня было?

Напали. И это предупреждение от Степановны, насчёт паяльника. Надо, кстати, отзвониться и пригласить на ужин. А что, плата свободна. До десяти утра тут никто не появится. Вино есть, закуски на любой вкус. Вот только руки бы помыть.

А так, я красавчик в этом прикиде. А вот деньги и телефоны с лопатниками надо прятать, как и пистолет, будь он неладен. Надо было его Сане отдать. Кстати, о Сане. Вот уж не думал ещё вчера, к кому в вопросе как добраться до Комсомольска мне придётся обращаться.

Но, чего только не бывает в этой жизни!

Но вернёмся к тому, что же произошло?!

То, что разобрался с пришедшими меня трясти, это хорошо. Повезло, и сильно, и никто насчёт этого не спорит. Дедок, опять же, который отвлек от меня сразу двоих, ну и умение, которому меня научила неизвестная богиня. Усыпил одного, ввёл в сонное состояние второго. Потом, хорошо, что своё средство передвижения не сломал о головы и ноги этих додбодятлов. С Саней не ошибся, хотя, если честно, по ночи не скажу, что трусил, но пистолет сжимал левой рукой до боли в пальцах. Не уверен, что от этих профи смог бы отбиться в итоге. Без вариантов. Я теперешний им не противник, даже если бы один на один смог выйти. Потом, парни отдали и телефоны, и деньги наличку. От банковских карточек я и сам бы отказался, а документы они сразу забрали. Телефоны. Это не мой самсунг, купленный лет пять назад мамой.

Или женой?

ТЬфу ты! Опять раздвоение личности!

И деньги. Куда мне их прятать? Надо позвонить с утра своему ангелу, попросить, чтобы сумку с замками мне купила. Скажу, что деньги потом отдам. Можно и сейчас позвонить, только десять часов, детское время.

Ну, подумаешь, половина одиннадцатого!

Нет, завтра позвоню. Она на дежурство послезавтра заступает, есть время, а пока...

Телефон. Набор номера. Гудки...

– Ты уже пришёл? – первым делом вопрос со стороны моего лечащего врача.

В трубке слышится смех, мужские голоса.

И, вроде как, телевизор работает. Раз телевизор, то не у себя в ординаторской сидит. Видно, в гости к кому-то пошла.

– У тебя всё нормально? – уточняет она.

– Более чем. – Отвечаю я. – Есть тортики, включая наполеон. Конфеты и другие вкусности, а главное, марочное французское эксклюзивное вино с бокалами, в наборе с коробкой.

– Тебе нельзя! – смеётся она.

– А кто сказал, что я буду пить? Я только попробую в качестве эксперимента. Да и обмыть надо мою выписку. Сколько я тут у вас? Почти три месяца, не считая времени, проведённого в реанимации.

– Солидный срок! – соглашается она.

– Вот и я так подумал. А что будет нам с двух литров французского лёгкого напитка? Да и напарницу можно взять. Тут хватит и на троих! – выступаю я в качестве змея-искусителя.

Что-то меня уже несёт, да и слова Карловича не могу забыть. Как он там сказал? – «Желаю, чтобы он у тебя сегодня хорошо закончился, например, в постели с какой-нибудь симпатичной медичкой. У меня в твоём возрасте по ночам все мысли были о бабах».

А я тоже человек. Причём, взрослый в душе. И неплохо, что тело молодое. Я тоже о женщинах последнее время мечтаю, а тут столько в белых халатиках нимф бегают перед глазами! Как назло, халаты просвечивающиеся, хоть и не полностью, а из трусиков – всего пара ляпочек. А кто-то умудряется при этом и бюстгальтер в такую жару не носить. Как тут выжить бедному полковнику в теле молодого пацана? И Карлович, тоже, провокатор!

– Ладно, жди, через полчаса загляну. У тебя ключ от вашей палаты есть на руках?

– Нет! – удивлённо отвечаю я.

– Захватчу! – решает она. – Вроде, с проверкой никого не ожидается, но всё равно не стоит светиться, да и всё равно, в принципе. Сегодня Сергевна на дежурстве, она не сдаст. Конфеток кину... чай попьёт. А сами оттянемся!

И отключилась.

Да она датая уже! – понимаю я, – и причём, капитально. А если ещё и вином сверху полирнуть...

Покачал головой, припоминая случаи из собственной практики.

Как бы не обблевалась. Не люблю пьяных баб. Обычно из-за них одни проблемы впоследствии, хотя, если сразу в постель уложить, то обычно весело получалось. Но это уж точно не мой случай!

Пора накрывать поляну.

Сдвигаю табуретки в качестве прикроватного столика. За большой стол садиться не хочется.

Накрываю их полотенцами, достаю всё, что есть из посуды – тарелок плоских три штуки, маленькие чайные ложки. Фрукты порежу, нарезку фруктовую сделаю, но вначале помыть их требуется. Откладываю в сторону.

Конфеты от Коркунова и Рафаэлло в коробках. Даже сыр Кеша купил! Явно понимает толк в употреблении благородного вина. Хорошо, что ни креветок, ни устриц с лягушачьими лапками не купил, ради прикола, с него бы случилось! Два миниатюрных торта, но, судя по цене, что отдал за них адвокат, они должны быть просто золотыми. Заварные пирожные, что сам покупал в Пятёрочке. Лимон к чаю нарезать. Коньяка нет, а под вино они не катят. Зато шоколад черный, плитка, его просто ломаем, и так, на раскрытой обёртке и мастрячим на импровизированный стол. А теперь, помыть фрукты и поляна готова!

«Может переодеться?» – мелькает мысль. Кроссовки скидываю, оставляю футболку от Щербатого – моя слишком задрипанная уже, и скидываем джинсы, облачаясь опять в свои шорты.

Так явно полегче.

Занимаемся фруктами.

Нарезка.

А теперь можно и приёмник включить. Телевизора нет. Зато, у деда приёмник неплохой. Он вечно радио Дача слушает, а там, в основном, только одни песни крутят. Как раз для моего возраста, настоящего, не этого. Да и Степановне, думаю, понравится их репертуар. Снял носки, улёгся. Как бы не заснуть!

Но есть хочется, дремлю по-тихой, наслаждаюсь музыкой. Песни девяностых крутят. Опять Маликов плачет, но поёт хорошо, мне нравятся его песни. Потом Буланова завыла, вот уж кто умеет испортить настроение своим репертуаром!

О! Скрипнула дверь. Вроде как, в замке ключ провернулся.

Шаги тихие.

Я лежу, показываю, типа, сплю.

– Ну и жених! – смехок рядом. – Пригласил на свидание, а сам храпит! – тихий шепот.

– Кто сказал, что спит? – улыбаясь, не открывая глаза, произношу я.

– Ждал, ждал, устал, решил прикорнуть, пока дамы работой заняты.

Открываю глаза и рывком сажусь на постель.

Ого! Да мы одни пришли, и похоже, что конкуренток просто отшили. Что-то я слышал, кого-то мой член удивил, ведь в реанимации все голые в основном лежат, да и после операции у меня из одежды только «костюм адама» был. Так вот, при моём росте, член, и правда, великоват. Надо сказать спасибо мне, или по линии жены так сыну подфартило? Я уж точно гигантом секса никогда не был, а вот сыну, похоже, повезло. Как там говорят? «Кто умеет любить – тот

любит, а кто нет – тот, увы, женится», или не так, там что-то про талант, типа, есть – влюбляется, а если нет то, увы, женится. Я малость перефразировал старую поговорку.

Так вот, про член...

Подслушал разговор как-то, ещё лёжа палате интенсивной терапии, молоденькие, правда, девчонки про меж себя шушукались, а я не спал, вот и обсуждали они меня и мой нетрадиционный сверхразмер. Видно, распространились слухи по всему отделению, во всяком случае, среди женской половины.

Тетя Зина, как я зову своего врача, явно подшофе, что для доктора, находящегося на дежурстве, вполне нормальное состояние. Но я ошибся, нормально она выглядит и чувствует себя. Улыбка на лице, на щёчках румянец.

Обычно она халат свой врачебный на платье одевала, а тут, видно из-за июльской жары в Хабаровске, носит, во всяком случае на дежурстве, на голое тело. Но халат из плотного материала и практически не просвечивается. Можно только разобрать наличие нижнего белья по его контурам в районе талии и в районе груди.

Но не спорю, жарковато, хоть на окне и сетка натянута, и окно полностью открыто.

Мне-то ничего, я привык, а вот слегка подвыпившей, к тому же, слегка полноватой женщине, явно жарко. Халат у неё четкий, не на пуговицах – молния на всю длину. И поясок.

Присела на стул, закинула ногу на ногу, оголив немного бедро.

Подхватила с импровизированного стола бутылку.

– Ого, литровая расфасовка! – удивлённо произнесла она. И по слогам... – «Коллексьон персонал. Франсуа-Луи Вюиттон», Кюве Приве дю Шато Ласкомб, две тысячи двенадцатый год, в подарочной коробке, тысяча миллилитров. Красное. Сухое. Сделано из винограда сорта Каберне Совиньон. Ведь оно ужасно дорогое, Андрей! – смотрит на меня своими зелёными глазами. Удивлена, обескуражена, и немного взволнована.

Миллион бы сейчас отдал, чтобы узнать, что в её головке сейчас творится, какие мысли мелькают. Уж больно щёчки от смущения порозовели. Но я-то малец, тринадцати лет, хотя и телом вышел, и не только. Рост подкачал немного, но ничего, ещё подрасту, уж точно. Парень явно в меня уродился, ведь почти четырнадцать мне.

– Не дороже денег, уважаемая Зинаида Степановна. Друзья привезли, да и где бы я нашёл тут, в этом захолустье такое вино? – усмехнулся я.

Она всё рассматривала этикетки.

– А штопор то у тебя есть, ухажёр?

– Обижаете, тетя Зина! У меня нож есть, швейцарский! Там всего напичкано. Сей момент!

– И хватит меня тётей звать! Зина нормально будет.

– А если Зизи? – вспомнил я песню Шуфутинского.

– Да легко! – и приспустила немного молнию на халатике, открывая мне вид своих прекрасных полушарий.

Провокация удалась на славу – что бы я ни делал, куда бы ни старался спрятать руки, но взгляд косил на эти белые бугорки, а эта проказница ещё газету деда со стола взяла и обмахивается ею, типа, жарко ей.

Уселась, главное, на мою кровать, ей так, видите ли, удобно, мою подушку под спину. Кровать моя у стенки и окна, соответственно. Я же пересел на стул. Ниже получается, зато этого соблазнительного безобразия, в её приоткрытом сверху халатике, мне не видно. Но есть, увы, и другая проблема – ее ножки закинута нога на ногу и бедра открыты. Короткий, выше коленок, халатик и вовсе задрался вверх. В общем, полнейший кошмар!

Вот, вроде, раньше меня смутить и заставить возбудиться лишь легчайшей эротикой, было бы невозможно. К этому вопросу моим знаковым дамам и любимой женщине приходилось подходить очень серьёзно. А тут – пара взглядов на открытые ножки и чуток приоткрытую

сверху грудь, и всё, приходится самому ногу на ногу закидывать, чтобы скрыть жуткий стояк. А если учесть размеры друга, в общем, что-то я уже жалею, что плотные джинсы поменял на лёгкие летние шорты.

Мои мучения явно замечены, оценены, и веселят эту пухленькую красавицу, которая почему-то кажется мне, уж очень доступной. Но удерживает от необдуманных действий моя врождённая скромность в общении с женщинами, да возраст этого тела, ведь что ни говори, а так можно и не только по рукам, а и по морде получить. И, если честно, эти мысли меня сильно отрезвляют.

А между тем, дверь на замке, основной свет в палате погашен. У деда есть лампа настольная для чтения, она сейчас и включена. Музыка из приёмника разливается по помещению. Вроде, «Божья коровка»! свой хит «Гранитный камешек» лупит из динамиков и мы вместе с Зизи подпеваем, причём кое-кто громкость своего голоса явно не рассчитывает. Но мы в палате одни, она угловая, а за стенкой только процедурная. В других палатах в это время мужики и женщины всё больше телевизоры смотрят, которые им заботливые родственники принесли, а нам неплохо и под приёмник.

У деда чайник прихватизировал, надеюсь не сгорит, если я один раз воду для чая вскипачу.

Зина уже пол большой коробки Рафаэлло приговорила. В бокалах – вино. Вкус нормальный, я как-то не очень разбираюсь в этом благородном напитке потомков Дюма и д'Артаньяна, а если учесть, что у нас в магазинах за бурду продают под видом вина, то естественно, откуда из меня мог вырасти ценитель.

Но уже первый литр ушёл, причём, явно, количество выпитого не в мою пользу. Если мне и перепало грамм двести-двести пятьдесят, то остальное уже булькает в моей напарнице.

Весело болтаем, она вспоминает своё детство, как в школе училась, даже про свою первую любовь весьма откровенно рассказала, как целовались с парнишкой после уроков у неё дома, как едва девственность после шампанского на Новый Год с его другом не потеряла.

Я слышал раньше, что медики – существа, стыда не имеющие, даже поговорка была такая – ума нет – иди в пед, а стыда нет – иди в мед. Что-то в этом есть, во всяком случае, в отношении любителей медицины и последователей Гиппократов.

На брудершафт ни я, ни мне выпить не предлагают, хотя последствия выпитого на даме явно сказываются. Язык и вовсе развязался. Громко смеётся над моими шутками, замок молнии на халатике ещё ниже опустился. Понимаю девчонку, реально жарко после выпитого. А она уже перешла цитировать, что ей её знакомые по вацапу пересылают.

Заставила рядом с собой на кровать сесть. Подушку с соседней кровати приватизировали мне под спину, чтобы можно было облокотиться о стену и почки не застудить. Прижалась плечом ко мне и читает всякую смешную ересь с телефона...

– ...доктор пациенту: не волнуйтесь. Эрекция при массаже простаты – это нормально. Пациент: но у меня нет эрекции! Доктор: Это я про себя...

Смеёмся. При этом, эта коза прижимается к моей руке своей грудью. Нет, зад у неё, конечно, лучше, не спорю, но вот грудь ощутил. Явно ведь провоцирует, как ей кажется, не целованного мальчишку.

Ну-ну!

– ... бабка нашла в огороде бумеранг и заеб@лась его выбрасывать!

Ржём в голос. Зинка и вовсе, в порыве веселья, на меня навалилась.

Вот же, сучка, я же не железный!

Но и понимаю, что если полезть с приставаниями, то будет выглядеть не очень красиво, но и «козлом» быть не хочется, как в том анекдоте, но у меня возраст, и это, на минуточку, мой лечащий врач!

А Зизи всё не унимается, хотя, не спорю, сидим хорошо, я для удобства уже и руку ей на плечи закинул. Не сопротивляется, под плечо мне подлезла и вновь читает какие-то приколы. А шуточки-то выбирает и вовсе на грани!

– ...какая всё-таки переменчивая жизнь! Съедая сегодня утром на завтрак яйцо, я подумал: – ещё недавно оно было в жопе. Сейчас я кладу его в рот. А уже завтра оно опять окажется в жопе!

Заливается, словно колокольчик, остановиться не может. Ну, не скажу, что шутка уж очень удалась, хотя философская сторона цепляет, но выпитое вино сказывается. Смеёмся.

И нам хорошо, особенно мне.

Она постоянно двигается и моя левая рука уже у неё за спиной, а ладонь, вроде как нечаянно, примостилась у неё на левой ягодице, но я не пытаюсь щупать там или гладить – лежит себе ладошка, отдыхает. А что? Она, смеясь, так телом елозит, а иногда и вовсе почти переламывается в пояснице, когда ей особенно смешно.

А вечерние, вернее, ночные посиделки продолжаются, и опять околomedicalские приколы...

– ... женщина звонит мужу: дорогой, прости меня, пожалуйста, я тебе по ошибке дала таблетки не от поноса, а от нервов. Как ты? Муж: ну как, обосрался, но абсолютно спокоен!

И опять ржач на всю комнату, она хлопает своей ладошкой мне по ляжке, а там мой нетерпеливый дружок под тканью шорт прячется, если учесть, что размер у него ого-го...

Боль сквозь слёзы... от смеха!

Но врач явно уже опознала, что у меня в кармане не колбаса припрятана, но вида не подаёт, но уже более аккуратно шлёпает меня по ногам, иногда поглаживая выступающий длинный бугорок, и всё ниже наклоняется во время неудержимого смеха.

– ... алло, доктор! Я по вашему совету купил клизму. Куда её теперь? – Налейте в неё воды и засуньте её себе в зад. – Доктор, я пожалуй, перезвоню, когда у вас будет хорошее настроение...

Бля... ещё пару таких анекдотов и такой бурной на них реакции, и я просто кончу от таких тактильных ощущений. Она уже не просто наваливается на меня своей, пусть и маленькой, но грудью, она уже обниматься лезет и прячет лицо у меня на шее.

Но постепенно успокаивается, и по новой!

– Пьяная жена приходит домой на рогах и сразу затевает скандал: – да вы посмотрите на него, гада! Я его по всем кабакам ищу, а он тут посуду, сука, моет!

Смеёмся. В этот раз и вовсе по моей щеке губами мазнула.

И вдруг:

– Эх, найти бы такого мужика! – и так тоскливо вздыхает.

Посидела прижавшись. Вздохнула. Бугорок у меня на ноге погладила нежно ладошкой и как бы всё ничего...

И вновь читает:

– Дорогой, помнишь ты ездил на рыбалку? – Да, а что? – Да щука твоя звонила, сказала, что уже с икрой!

А тут смех явно с натугой, но прижаться не забыла. Глаза её рядом с моими. И губы приоткрытые...

– Вот и у меня так же было, – неожиданно с болью в голосе произнесла, – и муж был, и щука с икрой появилась. Вот и ушёл, этот гад, к щуке этой, да потом обратно просился, – вздохнула. – Не пустила.

И так мне её жалко стало!

Вот губы – рядышком, почти с моими касаются, вот глаза прикрытые, в которых явно слёзы появились. И как тут не утешить, не приголубить? И слова утешения на языке вертятся...

– Может, всё образуется? – тихо шепчу я.

Левой рукой ещё сильнее прижимаю её к себе.
Мои губы соприкасаются с её полураскрытым ртом.
Мгновение...

У меня колотится сердце, как у воробья.
Отпускаю.

Думаю, что за реакция будет с её стороны, явно ведь Рубикон почти пройден?

А никакой.

Словно и не произошло ничего. Просто нам двоим очень хорошо и спокойно.

А она, как ни в чём не бывало, словно и не целовалась только что с несовершеннолетним, читает дальше, копаясь у себя в телефоне.

А я в прострации! Ещё немного и не выдержу, а запасных трусов у меня нет.

– Армянин подходит к кабинке туалета: – кто там ест? – спрашивает.

– Не ест, а срот!! – ему в ответ.

Смех вырывается у нас одновременно. И опять обжиманцы. Хорошо хоть не танцы, а то с этим стояком какой из меня танцор.

По радио «Машину» передают. «Пока горит свеча...» – надывается Макаревич.

Тихо, спокойно. Зизи замерла у меня на плече.

Так и сидим, ловим этот миг такого хрупкого счастья.

А трусики то у неё явно не стринги. Серьёзная оборона, не панталоны, конечно, но и не полоски-ниточки.

Целоваться сама больше пока не лезет, и я не настаиваю, мне и так в кайф.

Как же отлично вновь ощутить себя молодым!

Я даже зажмурился от удовольствия. А Зина, между тем, продолжает:

– ... вот, говорят: «счастье тебя обязательно найдёт!»... не пойму, или я так офигенно прячусь, или оно меня как-то хреново ищет!

Молчание... не до смеха. Всхлипы под мышкой у меня...

И чё делать? Успокаивать?

Как бы эта попытка, попыткой изнасилования не закончилась, и не факт, что жертвой насилия не стану я сам.

Но погладить по головке красавицу можно. Пошептать на ушко что-нибудь хорошее, ласковое. Может, растает у неё лёд в душе и не будет больше слезу пускать мой любимый лечащий врач.

Тихо сопит красавица у меня под рукой. Прижалась всем телом. Всхлипывает, но вроде как, уже не так и сильно. Понятно, что это алкоголь, но и воспользоваться мне этой её слабостью нельзя. Ведь знаю, что потом буду чувствовать себя последней конченной сухой. Захочет – сама даст понять. А я уж точно сам и шагу не сделаю, чтобы её...

Даже слов не подберу. Трахнуть? Не то, слишком грубо. Отыметь? Вообще бяка. А вот полюбил бы я её с большим удовольствием, но чувствую, что и тут мне облом. Не даст. Сама не даст, но и сопротивляться не будет, если инициативу проявлю.

Но как-то... стрёмно слишком. Не хочу портить звериными инстинктами очарование этой волшебной ночи.

Пуускай всё идёт своим чередом – чему суждено случиться, то случится и без моей инициативы.

Потянулась. Левой рукой нежно ладошкой провела у меня по щеке. И сама губами дотронулась до краешка моего рта.

Я же, в ответ, правой ладошкой погладил её по волосам, и чуть сдвинув голову влево, прижался своими губами к её раскрытому рту.

Её язычок аккуратно прошёлся по моим зубам, как бы заставляя их разойтись.

Боги, сколько нежности в этом чувственном поцелуе!

Мои руки очень аккуратно пошлись по её плечам, нежно, едва касаясь, тронули трепетное тело в районе груди, и опустились по животику на ноги.

Уж больно затянулся поцелуй, кружится голова, её рука покоится на бугорке, и он, гад, вздрагивает!

Всё, опростоволосился! Всему виной моя подростковая гиперсексуальность!

А она так нежно его пожимает...

Губы отстраняются. Чарующий момент. Я стараюсь держаться и не дёргаться от её прикосновений.

Она снова кладёт голову мне на плечо. Вновь в её руках телефон... читает:

– ... Внучка спрашивает у бабушки: – «Ба, а что такое любовник?» Бабка задумавшись: «Любовник... любовник... любовник... ЕДРИТЬ-КОЛОТИТЬ» и рванула на чердак к сундуку... из которого выпал скелет...

Я хмыкнул, а Зина только вздохнула, как-то уж слишком протяжно.

Грустно девушке. И хочется, и колется. Понимает, что сейчас у нас классический кошмар может произойти, но, видно, алкоголь не захватил голову. Как там Карлович сказал – пьяная баба «звезде» не хозяйка, но тут явно не тот случай, умная женщина и сильная, хотя всякая сильная женщина очень мечтает хоть на мгновение побыть слабой за сильным мужским плечом. И вот это плечо, пускай всего лишь на эту ночь, у нее под головой, а моё молодое тело ей наградой.

И не думает отодвигаться и держать дистанцию. Не знаю, дойдёт ли у нас до чего более серьёзного, но и то, что сейчас достигнуто с её стороны очень смело.

Опять горит экран телефона.

– ... Жена мужу: дай денег на лифчик. Муж: Да у тебя и титок то нет! Жена: Ну я же тебе трусы покупаю...

Смеёмся от души, причём её рука, как бы невзначай, прошлась по тому месту, где недавно был большой бугорок, а теперь лишь большое влажное пятно. Но можно представить, что это я нечаянно вино разлил.

Отстраняется.

Я же расстроено вздыхаю, но зря – подаёт полный бокал вина, и сама держит в левой руке такой же.

Чокаемся и цедим божественный напиток. Опять её тело плотно прижалось правым боком ко мне.

Моя левая ладонь нежно гладит её по мягкой и такой упругой ягодице. Молчим, наслаждаясь этой, поистине волшебной, близостью. Она опять уже одной рукой умудряется копаться в телефоне.

– ... чтобы хоть как-то оживить свадьбу, тамада назвал невесту блядью!

Ржём в голос, а кто-то и вино пролил, но, блин, не на себя, а именно на мои многострадальные шорты!

Вино не отстирывается, говорят, придётся теперь выкидывать.

И опять очередной перл на медицинскую тему.

– ... мамочка, ну и шо из того, шо я переспал с пациенткой, многие врачи так делают... – Да, многие, но ты-то, блядь, Сеня, – ВЕТЕРИНАР!!!

Опять раскаты смеха по всей палате проносятся.

Ох, что-то анекдоты всё откровенней и откровенней становятся.

– Я надеюсь, вы, Зинаида Степановна, у нас не ветеринар? – смеюсь, спрашиваю я.

– Нет, но посмотреть могу, и не только посмотреть, товарищ пациент. Надеюсь, вы гавкать умеете? – опускает она свою ладошку в район начавшего воскрешаться бугорка.

– Гавкать – нет. Я что, кобель какой-то? Я только мурлычу от удовольствия!

И вновь прижимаю её к себе.

Наши губы вновь встречаются, и на пару минут в палате слышится только очередная песня, в этот раз в исполнении «Самоцветов».

Отдышались. Что-то поцелуи всё продолжительней и продолжительней получаются.

Забрала у меня бокал, наклонилась. Потянулась за бутылкой. Конфетной обвёрткой пошуршала, опять вернула мне наполненный бокал. И вновь потянулась за поцелуем.

В этот раз действовала она более напористо, опять языком заставила разжать мои зубы, а потом мне в рот предала конфету.

Отстранилась.

Лампа потушена уже давно, ещё после первого поцелуя, из освещения только тусклый свет луны и ярко светящийся временами экран телефона.

– Это – закуска. – Улыбается. – Давай, за нас и за сегодняшний вечер! До дна!

Чокаемся.

Вторая бутылка такими темпами скоро точно закончится!

Забрала бокал. Вновь у неё в руках телефон, хотя, к чему он? И так понятно обоим, к чему всё идёт. Но приличия должны быть соблюдены, причём, с обеих сторон.

– ... на даче мужик ходит по грядкам голышом. Соседка увидела. Спрашивает: – Ты зачем голым ходишь? – Как зачем? Я хожу, а помидоры от смущения краснеют. – пожалуй и я так же сделаю. Через какое-то время дачник встретился с соседкой вновь, и решил поинтересоваться: – Ну, как помидоры? – Да никак! А вот огурцы попёрли!

И смеётся сама залиvisto, шарит у меня по ноге.

– Я, вроде, не голая сижу, а огурец то вырос! – гладит она бугорок.

И так, без тени смущения, рукой мне под футболку – нырь, и давай путь под шорты искать, а сама опять губами тянется ко мне.

Ну, всё, понеслось! И от этих мыслей мне сносит крышу, и я уверено правой пятернёй мягко сжимаю ей левую грудь.

Затяжной поцелуй.

Её рука легко нашла путь к моему каменному «огурцу», а я нагло почти полностью растегнул молнию у неё на халатике.

Уже попытку освободить моего парня предприняла, и тут...

Бздынь. Бздынь, бзддынь!

– Проклятье! – шепчет Зина. – Сергеевна звонит. Видно, кто-то нагрязнул, или кого-то привезли.

– Думаешь, тяжёлый? – уточняю я.

– У нас «Травма», у нас лёгких в принципе нет. Вот же, кому-то ночью дома не сидится! – говорит Зина, застёгивая молнию на халате.

– Да, Сергеевна! Что случилось?

С минуту слушает, потом вздыхает, отключая телефон.

– Девчонку привезли. Вся поломанная. Автомобильная авария. Слишком тяжёлая. В реанимацию вызывают. – Тяжко вздыхает. – Включи лампу.

Я встаю и шарю по столу рукой. Есть контакт. Свет бьёт по глазам.

– Так, – говорит Зина. – Я конфетки и тортики с пирожными забираю. Сергеевне обещала. Да и сами с чаем попьём. – Потом поднимает на меня свои прекрасные зелёные глаза. – И, спасибо тебе за всё! Словно опять студенткой себя почувствовала. На выписке меня не будет. Я уезжаю завтра по делам на три дня в Бикин. Жаль... без продолжения, – вздыхает. – Меня сегодня уже не жди, спать ложись. Коль тяжёлая – то на всю ночь. Лишь бы выжила.

Притягивает меня к себе и смачно так, с чувством, целует в губы.

– Ещё раз спасибо тебе за сегодняшний вечер!

Остатки вина в бутылке заткнуты пробкой. Всё остальное складываем в пакет.

Осмотрела себя. Поправила причёску.

И к дверям. Я за ней на своём костыле.

Ухажёр, блин!

У двери оборачивается. Прощальный поцелуй.

Чувствуется, что еле удержалась, чтобы по-быстрому тут не сотворить акт любви, но рас-судок взял верх.

– Не забывай меня! – слёзы в глазах у моей Зизи...

Чмок в губы, и была такова.

А я...

А я просто без сил опустился на пустую заправленную кровать.

Вот же! – думаю про себя, – как же хорошо и одновременно плохо быть молодым. Слиш-ком молодым. И затянул с активными действиями, и сама она, зная, сколько мне лет, вела себя уж слишком несмело. Столько времени потеряли! Третий час ночи. Недавно по радио новости передавали, а теперь опять песни крутят.

На душе, не скажу, что музыка играет, всё же до логического конца наша встреча так и не дошла, но как же всё было красиво и сладостно!

Жаль дружка – второй раз откладывается на неопределённый по времени срок, хотя Саня обещал баб и водку!

Я усмехнулся про себя – а меня на следующую ночь мой ангел посетить обещался. И хотя там с возрастом вообще капец, но ведь визуально Марина намного симпатичнее Зины, и фигурка у нее просто отпад, я уже не говорю про бюст!

Я жить начал по новой и мне, увы, хочется, очень хочется, но, бля, возраст! Меня же никто за мужика не держит, хотя не факт. Мой «огурец» Зине явно в душу запал, и по отде-лению слухи о размере ходят, уж очень радостной выглядела Марина, когда о встрече в её дежурство договорились, и Зинаида Степановна на удивление легко навстречу пошла, хотя это всё вообще спонтанно получилось. Пойми этих женщин!

* * *

Утро... будильник на полседьмого поставил, потому что в полвосьмого у меня сдача крови, и надо успеть умыться, привести себя в порядок и в «объекте, обозначенном на карте буквами ЭМ и Жё» заполнить экскрементами баночки для анализов. Увы, меня готовят на выписку, но Зизи сказала, что почти всё готово. Мои документы за неё уже заполнит Яковле-вич. Кстати, о нём и о Марине! Завтра у меня с ними отвальная, и надо бы хорошенько к этому подготовиться. И подготовится – это значит, не только бухла закупить, хотя этим и так Марина сама занимается, я ей денег скинул, но и подумать над тем, чем бы им заплатить за их хорошее отношение ко мне, что-нибудь этакое на память подарить.

Есть у меня пара мыслей, надо только подготовиться с подарками и не забывать, что придётся рассчитывать только на свои силы, и хотя деньги есть, но кто мнеподарки то покупать будет?

Выкрутимся. Есть у меня мысли по этому поводу. И, кстати, про Зизи надо не забыть, она сегодня уезжает, хотя оборонила так, между делом, что уже жалеет, но поездка, вроде как, давно запланирована была, или мне это приснилось?

Но однозначно, она подойдёт со мною проститься, да и как мой лечащий врач должна же она мне что-нибудь по моему дальнейшему лечению сказать.

Во всяком случае, я сам на это очень надеюсь.

Жизнь движется вперёд. Не спорю, медиков сейчас только ленивый не пинает, и у меня тоже к некоторым весьма серьёзные претензии есть – и кости неправильно срослись и кое-кто меня травил нагло, хотя видно не за просто так и по приказу, и тут явно без главврача не обошлось. И если вначале была у меня мысль кончить эту падлу, то после того, как разру-

лилась ситуация с родственниками и средствами отчима, от меня отстали, а тут и вовсе под крылышко берут! Но воспользуемся, чего там! Пистолет у меня теперь есть. Даже с травмата, если знать куда стрелять, почти стопроцентно убить человека можно, если точно попасть, а с этим у меня проблем никогда не было, и даже получив такое тело в подарок, когда богиня, и кто ей там помогал, дали возможность второй жизни, уверен, я справлюсь, если припрёт. И обвес с пистолетом я в поездку надену. Саня, вроде, показался мне нормальным парнем, но, увы, доверяй, но проверяй, а в моём случае надо быть очень внимательным.

Но я отвлекся. Быстро одеваюсь в джинсы, увы, но у меня больше ничего приличного нет. Спасибо всё тому же Сане, что не побрезговал снимать с Щербатого его шмотки и отдавать их мне. Много чего отдали. А этот Щербатый был пижоном! И прикид дорогой, и глок, как оружие, недешёвое, особенно для России, Айфон дорогой, я уже глянул в нете сколько он сейчас стоит. Почти девяносто штук для Дальнего Востока, во всяком случае, именно столько в салонах МТС просят на данный момент за него.

Но если будет возможность, надо будет домой заехать и посмотреть, что там у сына осталось из шмоток. Если не понравится и будет время, то прошвырнусь по магазинам. Надо будет конкретно закупиться. И осень впереди, я не говорю о зимнем варианте одежды. И обувь надо посмотреть. Понимаю, что в детдоме должны одевать, в теории, но в то, что даст государство, я уж точно не оденусь!

Завтрак. Опять каша! Ох, как я рад, что терпеть мне такое меню ещё всего два дня.

Дед придёт как обычно к десяти, иногда, правда, его в девять приносит. У него свободное посещение, но мне всё равно. Есть ещё пара дел, которые нужно по-быстрому проверить.

Я перед убытием на сдачу крови свои трофеи пересматривал. Искал чего-нибудь из золотых изделий.

Есть мысль!

Уже почти доковылял до палаты, как слышу за спиной быстрые шаги, причём звук женских каблучков мало с чем можно спутать.

Но, вроде, у нас по отделению даже дамы в чём-нибудь мягком ходят. Босоножки там, шлёпанцы, или балетки, а тут – каблук. Странно.

И тут...

– Андрей, подожди!

Голос с сегодняшней ночи для меня самый приятный из женских, хотя не знаю, что я скажу уже после выписки из больницы. У меня ещё вечеринка ведь намечается с моим ангелом...

Поворачиваюсь, но не быстро. Костыль, он стремительно двигаться, увы, не даёт.

Я и предполагал, что будет у меня ещё последняя возможность пообщаться с моей Зизи.

– Там твой напарник ещё с побывки домой не вернулся? – подходя быстрым шагом, спросила отчего-то жутко стесняющаяся девушка.

Да какая она девушка – женщина! Красивая молодая женщина. Протрезвела, и вот теперь, видно, отходняк, но не от спиртного отходняк, а от того, что ночью натворила.

Ну, это ей так кажется, что натворила, и вот теперь не знает, как ей со мной себя вести, оттого и жутко стыдно ей, видно, хотя, вроде же, медик.

– Так вот уже дверь, Зинаида Степановна, – отвечаю я, – сейчас и узнаем!

Говорю я и толкаю дверь в палату.

– Пусто! – говорю я, пропуская её в комнату, как настоящий джентльмен, первой.

Быстро оглядываюсь назад. Как и ожидал, кое-кто из медперсонала, что уже заступил на дежурство, или просто уже прибыл на работу, с неподдельным интересом смотрит в нашу сторону. Понятно, Сергеевна, видно, уже растрезвонила всем, что неприступная Зина ночью в палате с тринадцатилетним пацаном полночи провела, и вышла оттуда только после того, как тяжёлого пациента привезли на скорой...

Но с этим Зизи сама справится, а мне так и вовсе поровну их домыслы и разыгравшаяся фантазия.

Всё, дверь отрезает нас от всех.

Зизи стоит предо мной, мнётся. В руках сумочку свою женскую мнёт. Глаза на меня не поднимает.

А вот теперь уж я точно из себя пацана несмышлёного строить не буду.

– Я тут... – начала она.

Но я договорить ей не дал.

Шаг вперед и хватаю в охапку это смущённое чудо.

Ловко получилось, да и не сопротивлялась она совершенно, а даже сама, с какой-то отчаянностью, прижалась ко мне, пряча у меня на груди своё лицо.

Приподнимаю её голову за подбородок. Смотрю в её зелёные глаза, а она, похоже, в полуморочном состоянии находится.

Глазки прикрыты, а вот ротик наоборот, губки раскрыты. Вот эти губы и охватываем страстным поцелуем.

Костыль падает на пол, а мы так и стоим, обнявшись, и целуемся.

Затяжным вышел... и у самого голова кружится, представляю, что творится в данный момент с Зиной!

Отстраняемся.

Она молчит, явно обескуражена.

И я тогда говорю:

– Поверь, всё у тебя в жизни наладится, обязательно наладится. И встретишь в своей жизни того парня, который, когда ты с подружками по кабакам бегаешь, дома посуду моет и тебя ждёт!

Улыбаюсь.

Она подняла на меня свои прекрасные зелёные глаза.

– А может, вы вместе или в кабаке отдыхаете, или дома делами занимаетесь, и детишки у вас есть – сынок маленький и непоседливый и наверно, думаю, что зовут этого сорванца Андрей. И может быть, именно в эту поездку, в которую тебе, смотрю, совсем не хочется ехать и произойдёт эта судьбоносная встреча!

Она неверяще смотрит на меня. Не ожидала от меня таких слов. Подожди, посмотрим, как ты потом запоёшь, когда я всё, что хочу скажу, да и кое-что сделаю, так, чтобы запомнилось лучше. И мне очень жаль, что это будет не умопомрачительный секс!

А я, тем временем, продолжал:

– А я... А обо мне, думаю, ты будешь иногда вспоминать, глядя на своего сынишку. И, может быть, и тогда память напомнит о сегодняшней ночи... – она потупила глазки, – но ночь ведь, и правда, удалась.

Она только печально как-то так улыбается, понятно, и её та оговорка, «что без продолжения», явно у девчонки с наличием секса напряг, несмотря на то, что она медик. Но скромна, хотя эта скромность иногда куда-то девается, когда в организме чуток алкоголя, а рядом симпатичный мальчик и желательно моложе её. Знаю такой тип женщин, вот только они обычно стеснительностью не страдали, а тут...

– Но я имею в виду, что смотреться будешь в зеркало и видеть мой небольшой, скромный подарок, который я подарил на следующее утро, то есть сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.